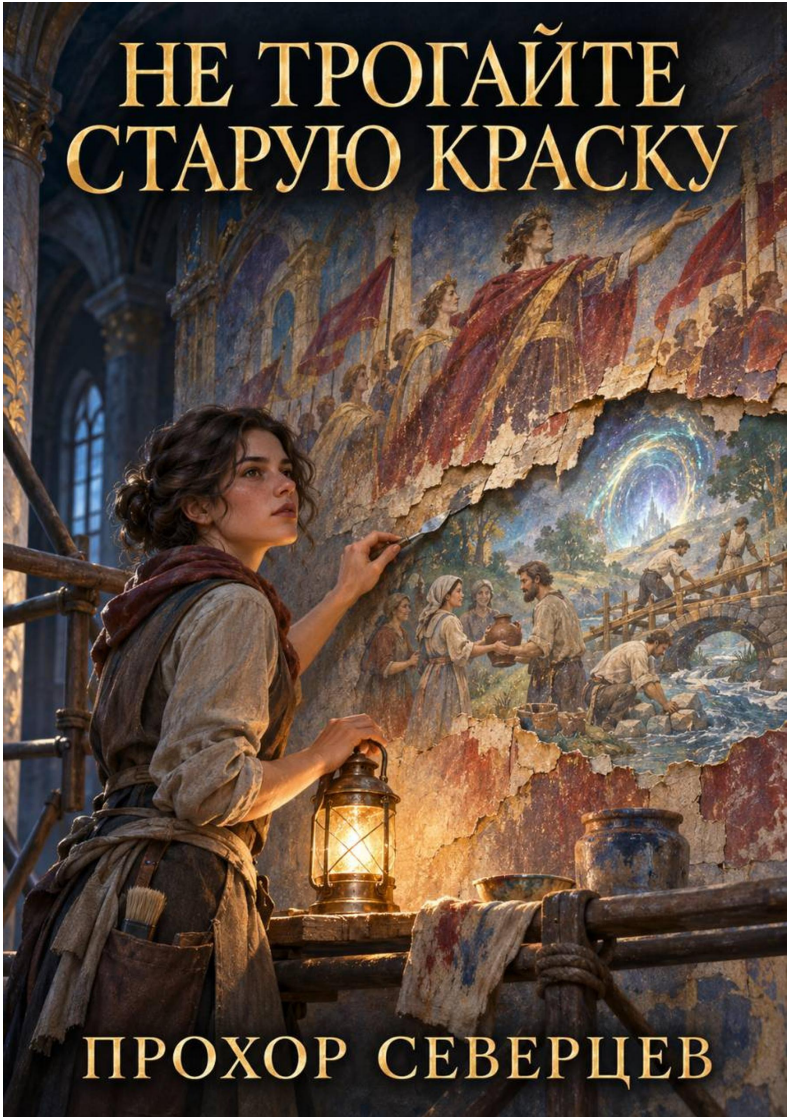

НЕ ТРОГАЙТЕ
СТАРУЮ КРАСКУ
ПРОХОР СЕВЕРЦЕВ

Прохор Северцев
Не трогайте старую краску

https://litres.ru/74716133
SelfPub; 2026

Аннотация

Реставратор Лидия Корнеева приходит в себя на лесах княжеского дворца — в теле женщины, которую должны казнить за порчу победной фрески. Под торжественной сценой она обнаруживает другой слой: вместо покорения врага там изображён равный договор. В этом мире признанная роспись меняет память, документы и право на землю, а придворный маг Арсений единолично закрывает опасные переходы между мирами.

Чтобы доказать подмену, Лидии придётся применить всё, что она знает о краске, штукатурке и следах чужой работы. Но каждый раскрытый фрагмент ослабляет привычный порядок, а найденный путь домой способен вытеснить из её тела прежнюю хозяйку. Сохранить доказательства, вернуть пропавших и не заменить одну удобную ложь другой можно лишь ценой личного возвращения — и отказа от единственного хранителя истины.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Чужая подпись на лесах	6
Глава 2. Пыль из другого мира	16
Глава 3. Приговор под известью	34
Глава 4. Карта, которой нет	53
Глава 5. Хранитель проходов	70
Глава 6. Проба на стене	93
Глава 7. Память штукатурки	107
Глава 8. Город с двумя именами	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Прохор Северцев
Не трогайте старую краску

От автора

Старую стену легко принять за молчаливую вещь. На ней видны трещины, потемневший лак, следы воды и лица людей, которых давно нет. Но стоит начать работу, и выясняется: стена хранит не одну картину. Под привычным изображением могут лежать прежний замысел, чужая поправка, след пожара, поспешная заплата и поздняя попытка сделать прошлое удобнее.

Реставратор не должен выбирать самый красивый слой и объявлять остальные ошибкой. Его задача труднее: понять последовательность, сохранить доказательства и честно показать границу между найденным и добавленным. Даже правильное движение руки необратимо. Снятая краска не вернётся на место только потому, что под ней оказалось не то, чего ждали.

В этой истории магия подчиняется тому же риску. Изображение способно менять память и открывать дорогу между мирами, но правда не появляется от одного смелого удара скребком. Ей нужны время, проверка, свидетели и готовность отвечать за последствия.

Перед вами роман не о возвращении в прекрасное прошлое. Прошлое здесь уже произошло, и ни один герой не получит его неповреждённым. Это история о праве увидеть все слои — и о цене решения, какой из них оставить доступным другим.

Глава 1. Чужая подпись на лесах

Первым вернулся запах.

Не боль, не свет и даже не страх, а сырая известь. Лидия узнала её так же быстро, как узнала бы голос матери в толпе. В носу стояла влажная меловая пыль, к ней примешивались льняное масло, дым коптящей лампы и тонкий металлический дух мокрой охры. Где-то рядом капала вода. Каждая капля падала с одинаковым промежутком, и эта точность бесила.

Лидия открыла глаза.

Перед лицом была доска. Грубая, со щепой, почерневшая от ладоней. Она лежала на ней щекой, упираясь коленом в другую доску. Под ней не было пола. Сквозь щель между настилами виднелся каменный узор далеко внизу.

Она не шевельнулась. В голове застучало быстрее, будто кто-то поднимался по лестнице в тяжёлых сапогах. Руки были заведены за спину. Запястья стягивала верёвка, жёсткая и липкая. Правая кисть немела.

Последнее, что она помнила, не походило ни на леса, ни на дворец. Был серый вечер в мастерской. Лампы дневного света над столом. Фрагмент росписи, привезённый из усадьбы перед сносом. Чёрная краска под поздней лазурью. Лидия наклонилась к микроскопу, повела иглой по краю пробы. Под лазурью блеснуло нечто, похожее на мокрую дорогу

ночью. Затем за стеклом показался свет — не отражение, а настоящий свет из глубины краски.

Она потянулась к выключателю.

Дальше — удар, падение и этот запах.

Лидия медленно повернула голову. Выше настила поднималась стена, такая огромная, что с её места не видно было ни потолка, ни краёв. По синему небу шли всадники в белых плащах. Под копытами склонялись люди в красном. У одного всадника лицо было свежее остальных, розовое, с блеском на щеке. Под ним краска вздулась мелкими пузырями.

Лидия забыла о высоте.

Так не пишут по старой извести.

Под свежим лицом лежала более тёмная краска. По краю отслоения она выглядывала тонкой дугой, но этого хватало. Верхний слой нанесли позднее, на уже законченную стену. Не поправили лицо. Переписали сцену.

Лидия приподнялась на локте. Доски отозвались скрипом. Помост качнулся, и желудок подскочил к горлу. Она замерла, дождалась, пока дрожь уляжется, и села.

Тело было не её.

Мысль пришла без истерики, сухая и ясная. Ладони были узкие, пальцы короче, на левом указательном ногте белел старый шрам. Свои руки Лидия знала до мелочей: плоский шрам от разбитой крышки кюветы был на правой ладони, а не на ногте. И ей было тридцать пять, а эти колени не ныли после долгого сидения. Зато под рёбрами слева ныло так,

словно туда ударили ногой.

До паники она не дошла. По лесам кто-то поднимался.

Сначала показалась рука с фонарём. Потом на помост выбрался мужчина в сером кафтане. К поясу у него была привешена короткая дубинка, в другой руке он держал конец верёвки, привязанной к её запястьям.

— Очнулась, — сказал он без вопроса. — Вставай, Кора.

Лидия поднялась, держась ближе к стене. Имя не вызвало воспоминаний, но тело отозвалось: плечи сжались, живот втянулся. Кора. Значит, так звали эту женщину.

— Где я?

Мужчина отступил на шаг. Страх в его лице сменился подозрением.

— В Зале Победы. Где же ещё.

Зал был огромным. Два ряда колонн уходили в полутьму, окна под самым сводом были закрыты ставнями. Внизу горели четыре жаровни, но до лесов доходили только рыжие отсветы. В них роспись казалась не торжественной, а тревожной. Белые всадники наступали со всех сторон. Выхода у красных не было.

На ближнем столике стояли миски, кувшины и костяные лопатки. Всё было настоящим: пламя колебалось от сквозняка, верёвка жгла руки, бок болел при вдохе. Это не могло быть сном, от которого надо проснуться. Она уже проснулась.

— Повернись, — приказал серый.

— Зачем?

Он поднял верёвку.

— Ты спрашиваешь после того, что сделала?

Лидия повернулась. На стене за ней зияло светлое пятно длиной с её руку. Кто-то снял верхнюю краску с лица склонившегося воина. Вместо него открылся кусок другого изображения: красная рука держала белую, пальцы были сцеплены не в борьбе, а в рукопожатии. По краям пятна краска была срезана неровно, но осторожно. Не сорвана в приступе злости. Так открывали пробное окно.

И почему-то Лидия знала: это сделала женщина, в чьём теле она очнулась.

— Я не помню, — сказала она.

— Выгодная болезнь.

— Это не порча.

Серый усмехнулся.

— Зал подготовили к Дню присоединения. На твоей стене было целое лицо. Теперь там руки врагов. Ты оставила свой нож в щели. Тебя взяли рядом. Если это не порча, то что?

— Исследование.

Он поднял фонарь к её лицу, будто ожидал увидеть признаки безумия. Лидия отвернулась от яркого масляного пламени.

Внизу хлопнула дверь.

— Гарн! — крикнули с пола. — Не велено с ней говорить. Своди вниз.

Гарн дёрнул верёвку. Лидия пошла к лестнице, стараясь не смотреть в щели. На третьем шаге она заметила на боковой балке надпись. Буквы были вырезаны ножом, потемнели от пальцев.

«Л. Кора. Трижды проверь воду».

Она прочитала без труда. Язык был русским, буквы — тоже, только у некоторых были непривычные хвосты. Лидия провела пальцем по первой букве. Надрез был старый. Значит, Лидия Кора давно работала на этих лесах.

— Двигайся.

Лестница была почти отвесной. Гарн спускался первым и каждый раз переставлял фонарь на нижнюю перекладину. Лидия не могла держаться связанными руками, поэтому прижималась плечом к стойке. Стараясь не смотреть вниз, она рассматривала стену.

На первый взгляд роспись казалась единой. На второй — кричала о переделках. В одном месте белый плащ перекрывал голубую полу другой фигуры. В другом контур конского крупа не совпадал с тенью под ним. Мастер, наносивший верхний слой, подражал старой манере — и не всегда понимал её.

На уровне третьего помоста она увидела шов. Не в росписи — в самой штукатурке. Тонкая волнистая линия шла вокруг группы всадников. Кто-то заново нанёс грунт не на всю стену, а на огромное пятно, повторявшее композицию. Затем написал поверх новую историю.

Это была не реставрация. Это была замена.

Лидия сбилась с шага.

— Стойте.

Гарн обернулся.

— Не приказывай мне.

— Там вода.

Он посмотрел на стену, потом на неё.

— И что?

— Послушайте.

Капля пада где-то внутри стены. Теперь, когда они стояли на этом уровне, звук был громче. Удар. Пауза. Ещё удар. Вода шла по трещине за поздним грунтом. Из-за неё верхняя краска вздулась.

— Пятно открылось не из-за ножа, — сказала Лидия. — Краска уже отслоилась. Кто-то снял то, что не держалось.

— Тогда зачем нож?

Вопрос был разумным. Лидия снова посмотрела на пробное окно. Края были слишком ровными для случайного отвала. Кто-то помог отставшей краске уйти. Но причина дефекта всё равно была в стене, а не в ноже.

— Чтобы увидеть, что под ней.

Гарн молчал дольше, чем раньше.

— Ты и раньше так говорила. Потом перестала.

— Когда?

— Когда тебя привели к хранителю.

Он снова дёрнул верёвку, на этот раз без злости. Лидия

пошла за ним. Значит, прежняя Лидия знала о слоях. Её приводили к какому-то хранителю. После этого она замолчала, но оставила свою подпись на лесах. «Трижды проверь воду». Не просьбу и не напоминание. Правило.

Когда они спустились на пол, высота зала оказалась ещё страшнее. Леса тянулись вдоль стены, как деревья без ветвей. Между ними ходили стражники. У двери ждал ещё один, в синем кафтане с серебряной пряжкой. Рядом с ним стояла девушка в запачканном синем платье.

Ей было лет двадцать. Волосы обрезаны до подбородка, на пальцах высохла красная краска. Увидев Лидию, она сделала шаг вперёд.

— Наставница.

Синий перекрыл ей дорогу рукой.

— Отойди, Тася.

Девушка послушалась, но не отвела взгляда. В нём было не сочувствие, а гнев. Будто Лидия не попала в беду, а нарочно подвела её.

— Я не трогала твои ящики, — быстро сказала Тася. — И ничего не нашла.

Синий повернулся к ней.

— Что ты сказала?

— Что не трогала. У меня своя работа.

Тася врала плохо. Уши у неё залились красным, правая рука незаметно прижалась к юбке. Пальцы держали что-то маленькое. Не ключ: красное и плоское, похожее на кусок

красочного слоя.

Лидия отвела взгляд. Она не знала, зачем прежняя хозяйка этого тела спрятала образец. Но если девушка рисковала из-за него, значит, образец был важнее её доверия.

— Ящики пусты, — сказала Лидия. — Я сама их опустошила.

Тася моргнула. Один раз, медленно. Затем её пальцы разжались, и красная пластинка исчезла в складках юбки.

Синий подошёл к Лидии и осмотрел её зрачки.

— Значит, всё-таки не помнишь?

Лидия выдержала его взгляд.

— Помню стену. И знаю, что вы хотите казнить меня за то, чего этот нож не делал.

— Нож нашли в твоей руке.

— А вода была в стене до меня.

— Как удобно.

— Дайте мне час и две миски. Я покажу вам разницу между слоями.

— Какими слоями?

— Вы их не видите?

Вопрос вырвался сам. Синий побледнел. Гарн негромко выругался и перехватил дубинку. Даже Тася отступила.

Причина их страха была не в слове «слои». Лидия поняла это по тому, как синий посмотрел на раскрытые руки на стене. Он боялся не порчи росписи. Он боялся того, что было под ней.

Синий сделал знак Гарну.

— Веди её в нижнюю караульную. Руки не развязывать. Никого к ней не пускать.

— А допрос?

— Допрос окончен. Приговор утверждён.

Тася вскинула голову.

— Но утром должны были звать мастеров.

— Мастера придут после, — сказал синий. — Когда зал очистят от её следа.

Гарн взял Лидию за локоть. Она не сопротивлялась. На полу между их сапогами лежала чешуйка розовой краски, упавшая с её рукава. Лидия видела её и раньше, но только теперь поняла, что чешуйка отсвечивает не от жаровен. Изнутри розового слоя шёл холодный голубой свет.

Он длился меньше удара сердца. В свете мелькнул край белого стола, металлическая ножка лампы и её собственная ладонь по ту сторону стекла.

Мастерская.

Её мастерская.

Голубой свет погас. Гарн не заметил ничего и толкнул её к двери. Лидия успела обернуться. Тася смотрела не на неё, а на чешуйку. Значит, видела.

У самого порога девушка всё-таки посмотрела Лидии в лицо.

— Ты не она, — произнесла Тася одними губами.

Лидия не успела ответить.

За дверью ждали два стражника с копьями. Один спросил у синего, куда вести осуждённую.

— Вниз, — ответил тот. — До рассвета. Потом на двор.

— Палачу уже послали?

— Сразу после заката.

Дверь Зала Победы закрылась за Лидией. Последним из щели исчезло светлое пятно на стене: две руки, белая и красная, сцепленные под копытами победителей.

До рассвета оставалось меньше ночи.

Глава 2. Пыль из другого мира

Нижняя караульная оказалась не темницей, а комнатой, из которой забыли вынести людей.

У стены стояли две скамьи, на одной лежал свёрнутый плащ, под другой — сапоги без хозяина. В углу коптила лампа. За перегородкой кто-то храпел, посвистывая на вдохе, а на столе остывала миска с кашей. Всё это делало смерть на рассвете не торжественной и не страшной, а служебной. Палачу послали. Осуждённую посадили. Кто-нибудь допишет строку в книге, вымоет миску, подметёт пол.

Гарн подвёл Лидию к кольцу в стене и протянул верёвку сквозь него.

— Сядь.

— Если затянуть за спиной ещё туже, к утру правая кисть не будет двигаться.

— Тебе к утру кисть не понадобится.

Сказал он это сердито, но узел ослабил. Лидия опустилась на пол. Камень под ней был холодный, левый бок немедленно отозвался тупой болью. Гарн проверил дверь, переставил лампу подальше и сел за стол. Ключ он положил возле миски.

Они молчали.

Лидия смотрела на собственный рукав. Ткань была грубой, коричневой, в пятнах охры и сажи. Там, где выпала розовая чешуйка, остался светлый след. Современная мастер-

ская мелькнула не во сне. Тася увидела то же самое. Значит, дело было не только в её памяти.

Она провела связанными пальцами по шву юбки. Под ногтем что-то хрустнуло.

— Не трогай одежду, — сказал Гарн.

— На мне краска.

— На тебе всегда краска.

— Эта не ваша.

Он поднял глаза, но не подошёл.

Лидия оттёрла ногтем серую крупинку. Та была меньше песчинки и блестела на кожной складке. Не известь. Не зола из жаровни. В современной мастерской пол покрывали серым полимером, и возле шлифовального стола всегда скапливалась пыль: гипс, уголь, старый лак, стеклянные шарики из очистительной установки. Лидия ругалась, что уборка разносит её по всем углам. Теперь несколько крупинок, должно быть, перешли вместе с ней.

Перешли куда? В другое тело? На чужую одежду?

Она сжала пылинку между ногтями.

По комнате прошёл холодный свет.

На миг каменный пол стал прозрачным. Под ним показался серый пол мастерской, такой близкий, что Лидия увидела чёрный след от колеса тележки и обронённую ватную палочку. Свет возник только вокруг её пальцев и тут же схлопнулся. Лампа качнулась, хотя воздуха в комнате не было.

Гарн вскочил. Скамья с грохотом упала.

— Что ты сделала?

Лидия разжала пальцы. Серой крупинки не было.

— Уронила пыль.

— Я видел дверь.

— Какую?

Он обошёл стол, держа дубинку перед собой.

— Не знаю. Светлое место. Пол там был гладкий, как вода.

Значит, видел и он. Лидия почувствовала не облегчение, а новый страх. В Зале Победы свет длился меньше мгновения, и Гарн стоял к нему спиной. Теперь он смотрел прямо. Если он позовёт синего стражника, до рассвета ждать не станут.

— Это было отражение лампы.

— Не держи меня за дурака, Кора.

Он присел перед ней и схватил за левое запястье. Не ударил, но пальцы сжал так, что верёвка снова врезалась в кожу.

— Хранитель спрашивал тебя о проходах. Я стоял снаружи. Ты кричала, что ничего не откроешь. Через час вышла тихая и сказала, что ошиблась со стеной. А теперь от тебя светится пол.

— Когда это было?

— Две недели назад.

— Что ещё я сказала после?

— Хватит.

— Гарн, ту женщину утром должны убить. Если вы думаете, что я она, вам нечего терять. Если я не она, вы можете узнать, что с ней сделали.

Он отпустил её руку.

— Ты говоришь иначе.

— Тася тоже заметила.

— Не произноси имя девчонки.

— Почему?

— Потому что у стен есть щели.

Гарн оглянулся на перегородку. Храп за ней оборвался, потом возобновился. Стражник поднял скамью и сел, не сводя с Лидии глаз.

— До прихода хранителя ты говорила мало, — сказал он тише. — После совсем перестала. Сегодня полезла на леса, хотя зал опечатали. Я тебя снял со стены. Ты была в сознании. Смотрела на меня и не узнавала. Потом вывернулась, ударила синего мастера миской и снова полезла вверх. На третьем ярусе срезала лицо. Тебя стащили. Ты ударилась боком и головой. Всё.

— Я очнулась наверху со связанными руками.

— Ты открывала глаза раньше.

— Что говорила?

— Одно слово. «Чисто».

Лидия закрыла глаза. Чисто. Так она сказала в мастерской за секунду до того, как сквозь чёрную краску проступила мокрая дорога. Она очистила край пробы, посмотрела в окуляр и увидела, что поздняя лазурь снята. «Чисто» могло принадлежать ей.

Но Гарн слышал это здесь, до того как она очнулась на

лесах.

Переход не был мгновенным. Или сознание Лидии вошло в это тело раньше, чем стало способно им управлять. Между мастерской и Залом Победы оставался кусок времени, принадлежавший сразу двум женщинам.

— А Кора? — спросила она.

— Ты и есть Кора.

— До удара. Что она делала?

— Не знаю. Я не хожу за мастеровыми по пятам.

Он встал и поднял миску. Разговор был окончен. Лидия откинулась к стене и попробовала представить остаток ночи не как путь к плахе, а как рабочую смену. У неё были несколько часов, связанная правая рука, один недоверчивый свидетель и пыль из мастерской, рассеянная по одежде. Образец первого слоя находился у Таси. В стене текла вода. Причину повреждения можно было показать, если добраться до лесов.

Можно было. Слово из прежней жизни, где начальство спорило о сроках, заказчик требовал вернуть стене «первоначальную яркость», а худшее утро начиналось с письма о сокращении сметы. Там «можно» означало, что придётся объяснять, считать и делать пробу. Здесь между объяснением и пробой стоял палач.

За перегородкой перестали храпеть.

Оттуда вышел пожилой стражник в длинной рубахе. Он застёгивал ворот и щурился на лампу.

— Чего гремел?

— Скамью задел.

— А свет?

Гарн посмотрел на Лидию.

— Фитиль вспыхнул.

Пожилой подошёл к лампе, понюхал масло и хмыкнул.

— Врёшь плохо.

— Спи, Вежек.

— Уже смена скоро.

Вежек зачерпнул кашу двумя пальцами, съел холодную и наконец заметил Лидию.

— Эту на двор?

— На рассвете.

— Тогда чего руки синие? Развяжи, не убежит от кольца.

— Приказано не развязывать.

— Приказано живой довести. С мёртвой палач плату не получит.

Он сказал это без жестокости, как человек, знающий распорядок лучше молодых. Гарн помедлил, затем вынул нож. Лидия замерла. Лезвие вошло между верёвкой и кожей, повернулось тупой стороной и перерезало узел.

Кровь вернулась в пальцы болью. Лидия прижала руки к животу, чтобы не застонать. Запястья были ободраны, правая ладонь дрожала. Вежек накинул новую петлю только на левую руку и привязал коротко к кольцу.

— Воды дать, — велел он.

Гарн налил из кувшина в деревянную кружку. Лидия пила медленно, разглядывая край. На дне остался белёсый осадок. Вода была жёсткая, пахла камнем. Не та, что шла за роспись: там, судя по запаху и зеленоватой тени на штукатурке, влага проходила через старый медный желоб.

— Вода в Зале Победы откуда? — спросила она.

Вежек рассмеялся.

— С неба, как всякая.

— По каким трубам идёт к стене?

— С каких пор небо пользуется трубами?

— На крыше собирается дождь. Потом он должен куда-то уйти.

Пожилой перестал улыбаться.

— Желоба там. Медь ещё при старом князе клали. Один зимой лопнул, мастер приходил.

— Когда?

— Да года три назад.

— Его заменили?

— Залатали.

Лидия посмотрела на Гарна.

— Вода была в стене до моего ножа.

— На суде скажешь, — буркнул он.

— Суд уже был, — напомнил Вежек.

Комната снова стала маленькой. Лидия отдала кружку. Правой рукой она ощупывала одежду сантиметр за сантиметром. Делала это под складками юбки, чтобы стражники

не видели. В манжете нашлась тонкая стеклянная нить. В кармане — комочек серой пыли. На поясе среди местной сажи блеснули две прозрачные крупинки.

Каждая могла показать мастерскую. Возможно, каждая могла открыть путь шире, если соединить её с розовой чешуйкой или красным образцом. Но первый свет уничтожил пылинку. Ключ сгорал в замке.

Лидия не имела права тратить следующий на опыт.

Снаружи звякнул засов. В караульную вошёл синий стражник из зала. Теперь без серебряной пряжки он выглядел моложе, чем там, и гораздо более усталым.

— Почему развязана?

— Кисти посинели, десятник, — ответил Вежек. — Я перевязал к кольцу.

Десятник проверил узел и пульс на правой руке. Делал это уверенно, без желания причинить боль.

— Она что-нибудь говорила?

— Про воду, — сказал Гарн.

— Она всегда говорит про воду.

Значит, прежняя Кора пыталась доказать то же самое. Лидия подалась вперёд.

— Тогда почему вы её не проверили?

Десятник выпрямился.

— Потому что я задаю вопросы.

— Вы боялись увидеть слой под стеной ещё до того, как нашли нож.

— Ты призналась, что срезала лицо.

— Кора призналась?

Тишина длилась слишком долго.

— Ты, — сказал десятник.

— Какими словами?

— Довольно.

Он повернулся к Гарну.

— Через час поведёшь во двор. Палач пришёл раньше.

— До рассвета ещё далеко.

— Княжеский совет собирается на заре. Её не должно быть в зале, когда придут советники.

Десятник вышел. Гарн проводил его взглядом и медленно сел.

Один час.

Лидия перебрала возможности. Напасть на двух стражников чужим, ушибленным телом было не возможностью, а способом умереть на полу. Открыть проход пылью — если он вообще откроется достаточно широко — значило потратить редкий материал без понимания. Убедить десятника не удалось. Оставалась Тася, которая видела свет, держала образец и знала прежнюю Кору.

Но Тасю сюда не пустят.

За дверью послышался спор.

— Мне велели забрать её ящики.

— Кем велено?

— Старшим мастером.

— Бумага где?

— Какая бумага? Я подмастерье, а не казначей.

Лидия узнала голос. Тася не ждала, пока её пустят.

Дверь распахнулась. Девушка стояла на пороге с деревянным ящиком в руках. За ней сердитый караульный держал её за плечо.

— Вот, — сказала Тася и поставила ящик на пол. — Пусть сама назовёт, где ключ. Если умрёт, замок придётся ломать, а старший мастер взыщет с вас.

Гарн прикрыл глаза ладонью.

— Уводи её.

— Сначала спросите.

— Я сказал — уводи.

Тася посмотрела на Лидию. Взгляд скользнул по свободной правой руке, петле на левой, кружке, кольцу. Девушка считала не хуже Лидии.

— Ключ под третьей доской верхнего помоста, — сказала Лидия.

Она не знала, правда ли это. Но на третьем помосте Кору сняли со стены, а на балке оставалась надпись. Если Тася искала повод вернуться туда, другого места не требовалось.

Девушка не моргнула.

— Там нет доски, которая поднимается.

— Есть. Возле слов про воду.

Теперь она поняла. Гнев в её лице на миг уступил тревоге.

— Наставница не прятала ключи на лесах.

— Зато прятала образцы.

Караульный встряхнул Тасю за плечо.

— Пошла.

Она уронила ящик. Крышка раскрылась. По полу раскатились кисти, костяные лопатки, свёртки ткани и маленькие глиняные чашки. Стражники выругались. Тася опустилась на колени, собирая вещи, и подползла ближе к Лидии.

— У вас минута, — прошептала она, не поднимая головы. — Потом я уйду и не вернусь.

Гарн стоял у двери, заслоняя их от караульного в коридоре. Вежек нарочно громко спрашивал, кто возместит разбитую чашку.

Лидия взяла кисть, которую протянула Тася.

— Розовая чешуйка у тебя?

— Да.

— Красный образец тоже?

— Да.

— Не соединяй их. И не держи голой рукой.

— Почему вы светитесь?

— Не я. Пыль на одежде. Она из места, откуда я пришла.

Тася резко подняла глаза.

— Так вы признаёте.

— Я не твоя наставница.

Слова повисли между ними. Тася перестала собирать кисти. Её лицо не изменилось, только нижняя губа побелела от зубов.

— Тогда где она?

— Не знаю.

— Врёте.

— Хотела бы соврать убедительнее.

— Вы в её теле.

Лидия опустила кисть в ящик.

— Я очнулась на лесах. До этого была в своей мастерской. Мне тридцать пять лет. Меня зовут Лидия Корнеева. Я тоже снимаю позднюю краску со старых стен. Почему я здесь и что стало с Корой, я не знаю.

Тася отшатнулась, задев чашку. Та разбилась по-настоящему. Вежек присвистнул.

— Заканчивайте, — сказал Гарн.

Девушка торопливо собрала черепки.

— Наставница говорила, хранитель вынимает из людей след, — прошептала она. — Я думала, пугает. За день до зала она велела мне взять красное, если с ней случится беда. Сказала не верить ей, если вернётся спокойной.

— После хранителя она вернулась спокойной?

— Да. А вчера снова стала собой. Прибежала ночью, разбудила меня. Сказала, что нашла чужой след и теперь стена откроется. Потом ушла в зал.

— Какой след?

— Не сказала.

Лидия посмотрела на свои рукава. Современная пыль могла оказаться тем самым чужим следом. Но как Кора на-

шла её до перехода? Значит, соприкосновение двух мастерских началось раньше. Чёрный слой под лазурью в Москве и первый слой в Зале Победы могли быть частями одного изображения или содержать след одного события.

— Она оставила записи?

— Хранитель забрал тетрадь. Остались метки на пробах, но я не умею их читать.

— Я, возможно, умею.

— Вы ничего о ней не знаете.

— Зато знаю, почему отслаивается стена. Медный желоб течёт не меньше трёх лет. Поздний грунт намокает изнутри. Если показать это мастерам, приговор можно остановить.

— Приговор уже вынесли.

— Тогда надо заставить их бояться не меня, а того, что стена рухнет перед советом.

Тася замерла с тряпицей в руках.

— Она может рухнуть?

— Не вся. Но верхний слой продолжит отходить. Особенно если зал прогреют жаровнями перед праздником. Сырая штукатурка расширяется иначе, чем сухая. Появятся новые вздутия. Их увидят все.

Это была не вполне уверенная оценка. Лидия не знала состава местного грунта и толщины поздней вставки. Но вода уже сделала пробное окно, а в зале горели четыре жаровни. Если их станет больше, повреждение проявится.

— Что нужно? — спросила Тася.

— Белая сухая ткань, две чашки, вода из кувшина и вода со стены. На ткани останутся разные следы. Ещё надо простучать участок вокруг окна деревянной ручкой. Там, где грунт отошёл, звук будет глухим.

— Вас не пустят в зал.

— Тебя пустят.

Тася покачала головой.

— Нет. После ареста вход только со старшим мастером.

— Тогда найди его.

— Он подписал обвинение.

— Тем лучше. Если стена осыплется перед советом, отвечать будет тот, кто отказался её проверить.

В глазах Таси мелькнуло мрачное удовольствие, сразу сменившееся стыдом.

— Вы говорите как она.

— Нет. Я говорю как человек, которого заказчик не слышит до первой трещины.

Тася не поняла слова «заказчик», но времени объяснять не было. Она сложила последние кисти. Лидия незаметно сняла с манжеты серую крупинку и завернула в клочок ткани из ящика.

— Возьми. Не раскрывай рядом с образцом.

— Это ваша пыль?

— Одна крупинка. Если меня выведут во двор, покажи её мастерам. Скажи, что Кора нашла след, который искал хранитель. Не говори, откуда он.

Тася не протянула руку.

— Вы хотите, чтобы я спасла вас вместо неё.

— Я хочу дожить до момента, когда выясню, где она. Это может оказаться одним и тем же.

— А если вы её вытеснили?

Вопрос попал точнее удара. Лидия могла сказать, что не выбирала переход. Могла напомнить о собственной потерянной жизни. Но Тася имела право ненавидеть женщину, которая смотрела глазами наставницы и называла себя другим именем.

— Тогда ты не обязана меня прощать, — сказала Лидия. — Но образец всё равно надо сохранить.

Тася взяла свёрток двумя пальцами.

— Я вам не верю.

— Правильно.

— И наставницей не назову.

— Не называй.

— Если останетесь живы, покажете мне каждую пробу. Ничего не будете снимать без меня.

— Согласна.

— Даже если скажете, что опасно.

— Если опасно, объясню почему. Решать всё равно будем вместе.

Тася спрятала свёрток отдельно от красного образца — в ворот платья, а не в карман. Потом подняла ящик.

— Ключа нет под доской, — громко сказала она.

— Значит, придётся ломать замок, — ответила Лидия.

Гарн выпустил девушку. Караульный в коридоре повёл её к лестнице. Шаги стихли.

Вежек собрал черепки и унёс за перегородку. Гарн закрыл дверь на засов.

— Ты правда не Кора? — спросил он.

Лидия посмотрела на него.

— Ты слышал.

— Я слышал двух испуганных женщин. Это не то же самое, что правда.

— А что для тебя правда?

Он подумал.

— То, что остаётся одинаковым, если смотреть с разных мест.

Для стражника это было неожиданно точное определение.

— Тогда проверь стену, — сказала Лидия. — Посмотри на неё снизу, с лесов и из-за штукатурки. Если причина в воде, она останется водой с каждого места.

— А если нет?

— Отведёшь меня во двор.

— Я и так отведу.

Он подошёл к двери, будто собирался позвать смену. В этот миг сверху раздался глухой удар. По потолку пробежала дрожь. С балки посыпалась белая пыль.

Гарн поднял голову.

Второй удар был тише, но вслед за ним кто-то закричал на

лестнице. Дверь распахнули снаружи. В караульную влетел тот самый молодой караульный, который держал Тасю.

— В зале краска пошла пузырями! — выдохнул он. — На глазах. Старший мастер требует Кору.

— Её казнить велено, — сказал Гарн.

— Теперь велено сначала привести.

Лидия поднялась. Ноги затекли, и каменный пол качнулся. Гарн поймал её за локоть, затем словно смутился и отпустил.

— Девчонка успела? — спросил он едва слышно.

— Жаровни успели, — ответила Лидия.

Он развязал петлю на её левой руке, но тут же надел другую, длиннее, оставив обе кисти свободными.

— Не беги.

— Куда? Я даже не знаю, в какой стороне мой дом.

Гарн вывел её в коридор. Навстречу по лестнице спускались двое мастеровых с белыми от страха лицами. Один нёс кусок расписной штукатурки размером с тарелку. На лицевой стороне белый конь вставал на дыбы. С обратной тянулись зелёные полосы, а в середине блестела медная крошка.

Лидия попросила остановиться. Молодой караульный хотел толкнуть её дальше, но Гарн поднял руку.

Она наклонилась к обломку, не касаясь. Верхняя часть была сырой и тёмной. Под поздним грунтом сохранился тонкий красный слой. На нём виднелся край буквы — не победная сцена, а надпись.

В складке рукава что-то засветилось.

Лидия успела прижать ладонь. Голубой отблеск остался между пальцами. На долю секунды ей почудилось, что из обломка тянется тонкая светлая нить — вверх по лестнице, через стену и куда-то дальше, в недоступную мастерскую.

Пыль отзывалась не на всякую старую краску. Она отозвалась на этот красный слой.

Материальный след участника, подумала Лидия, ещё не зная этих слов как правила. Один и тот же красный пигмент был по обе стороны. Или один и тот же человек когда-то касался обеих стен.

— Что там? — спросил Гарн.

Она разжала ладонь. Свет исчез, но крупинка осталась. На этот раз ключ не сгорел. Значит, прикосновения не было — только близость.

— Доказательство, — сказала Лидия. — Но пока не для них.

Наверху снова закричали. В Зале Победы осыпался ещё один кусок официальной истории, и теперь люди, готовившие казнь, торопились спасти стену.

Лидия пошла к лестнице сама.

Глава 3. Приговор под известью

К тому времени, когда Лидия поднялась в Зал Победы, белый конь лишился головы.

Голова лежала на помосте лицом вверх. Осколок отделился ровно по краю старой трещины, и теперь нарисованный глаз смотрел в потолок с таким спокойствием, будто падение было частью торжества. Вокруг толпились мастеровые. Никто не прикасался к обломку. Над ним держали фонарь, и от неровного света казалось, что конь дышит.

В зале стало жарко. К четырём прежним жаровням добавили ещё шесть. Их расставили вдоль стен, чтобы к утреннему совету высушить сырость и прогреть каменные скамьи. Воздух пах углём, мокрой известью и медью.

Лидия остановилась у входа.

— Погасить жаровни, — сказала она.

Старший мастер стоял на первом ярусе лесов. Он был широкоплеч, седые волосы прилипли ко лбу, на тёмном кафтане белели следы штукатурки. В прошлый раз Лидия видела его только снизу, среди людей, подписавших обвинение. Теперь он спустился по лестнице и остановился перед ней.

— Ты здесь не распоряжаешься, Кора.

— Тогда распорядитесь вы. Иначе к приходу совета у коня не останется не только головы.

— Она срезала лицо князя, — сказал кто-то из мастеро-

вых.

— А сейчас упал конь, которого я не касалась.

Старший мастер посмотрел на Гарна.

— Она была внизу?

— С тех пор, как вы велели увести, — ответил стражник. — Руки сперва были связаны обе.

— Сперва?

— Я оставил одну свободной, когда посинела кисть. До стены она не дотягивалась.

Старший мастер недовольно повёл щекой. Ему не понравилась лишняя подробность, но спорить со стражником при десятке свидетелей он не стал.

— Как вас зовут? — спросила Лидия.

— Ты знаешь.

— Назовите ещё раз.

По залу прошёл шёпот. Старший мастер наклонился к ней.

— Если думаешь разыграть помешательство, приговор не отменят.

— Я хочу знать, кто отвечает за стену, пока я осуждена.

— Ратмир Сольд.

— Хорошо. Мастер Сольд, если вы уверены, что повреждение нанесла я, погасите жаровни и дайте мне подняться. Через четверть часа у вас будет либо доказательство моей вины, либо причина снять людей с лесов.

— А если ничего не будет?

— Отведёте меня во двор, как собирались.

Слова прозвучали легче, чем дались. Лидия увидела за открытыми дверями сереющее небо. Рассвет приближался. Где-то за дворцовой стеной ждал человек, которому заплатили за её смерть. Возможно, уже точил топор или проверял верёвку. Она заставила себя не смотреть туда второй раз.

Сольд тоже заметил свет в дверях.

— Ты уже обещала доказательства на суде.

— Кора обещала.

— А ты кто?

Гарн едва заметно повернул голову. Тася застыла возле ящика с кистями. Она успела вернуться в зал и теперь стояла среди подмастерьев, прижав локти к бокам. В вороте её платья был спрятан свёрток с современной пылью.

— Человек, который видит мокрую стену, — сказала Лидия. — Для четверти часа этого достаточно.

Сольд поднял глаза на повреждение. Над отвалившимся конём вздулась широкая полоса. По краям она уже отбрасывала тонкую тень.

— Две жаровни убрать, — приказал он.

— Все.

— Не торгуйся.

— Они сушат поверхность быстрее, чем толщу стены. Верх стягивается, низ остаётся мокрым. Поэтому слой рвётся по границе. Хотите оставить часть тепла — отнесите жаровни к середине зала, подальше от росписи.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что трещина уже раскрылась со стороны огня.

Лидия указала на край вздутия. Снизу его было видно плохо, но один молодой мастер поднял фонарь и подтвердил:

— С этой стороны шире, мастер.

Сольд коротко выругался и велел отнести жаровни. Люди взялись за железные ручки, зашипели, обжигая ладони через рукавицы. Пока освобождали стену, Лидия попросила белую ткань, две сухие чашки, деревянную рукоять и нож с округлым концом.

— Ножа ей не давать, — сказал десятник, появившийся у дверей.

— Тогда держите сами.

Он подошёл ближе. Без серебряной пряжки, оставленной в караульной, десятник казался ещё моложе, но голос у него был ровный.

— Приговор должен быть исполнен до начала совета.

— Совет уже не войдёт в зал, — ответил Сольд. — Не видишь?

— Мой приказ от этого не изменился.

— А мой — сохранить роспись.

Два приказа столкнулись между ними, и впервые Лидия поняла, что её жизнь держится не на убедительности, а на чужой боязни оказаться виноватым. Десятник боялся нарушить распоряжение. Сольд боялся потерять стену перед княгиней. Истина пока не была нужна ни одному. Но вода была

безразлична к их страхам, и это делало её самым надёжным союзником в зале.

— Привяжите верёвку к поясу, — предложила Лидия. — Второй конец пусть держит Гарн. Нож оставьте десятнику. Я только покажу места.

Так и сделали. Узел затянули поверх платья, и верёвка потянулась к руке Гарна. Десятник взял короткий нож. Сольд первым поднялся на леса, за ним Лидия, потом стражники. Доски отзывались под ногами разными голосами: сухие звенели, сырые глухо стонали.

У повреждённого участка пахло сильнее. Не просто влагой — мокрой монетой и старой зеленью. Лидия наклонилась к краю утраты. Поздний грунт был белый, рыхлый, толщиной почти с палец. Под ним лежал более плотный сероватый слой и тонкая красная краска. Между ними блестела вода.

— Ткань.

Тася подала снизу две полосы. Лидия взяла одну и прижала к свежему излому. На белом полотне проступило зеленоватое пятно.

— В первую чашку воду из кувшина, — сказала она. — Во вторую отожмите ткань.

— В ткани почти ничего, — заметил Сольд.

— Хватит для цвета и запаха.

Внизу зашептались. Советники ещё не вошли, но в дверях появились слуги в праздничных ливреях. Они смотрели на

леса, не решаясь приблизиться. Один убежал, вероятно докладывать, почему зал закрыт.

Лидия приложила сухую ткань к соседнему месту, где краска казалась целой. Полотно осталось белым. Потом попросила Сольда дать ей деревянную ручку. Он не отдал, но сам постучал там, куда она показывала.

На два локтя вокруг утраты стена отвечала низко и пусто. Дальше звук становился звонче. Лидия попросила мел. Тася бросила ей кусочек. Гарн дёрнул верёвку, когда Лидия потянулась, однако позволил поднять мел с доски.

Она провела линию вокруг глухого участка, не касаясь самой росписи. Получилось неровное пятно шириной с раскрытые руки.

— Здесь поздний грунт уже не держится на нижнем слое.

— Из-за твоего разреза, — сказал Сольд.

— Мой разрез был там.

Лидия указала на пробное окно возле лица князя. От него до упавшего коня оставалось не меньше трёх шагов. Между участками краска держалась лучше, а пустота уходила вверх, к потолку.

— Трещина не идёт от окна. Она идёт сверху вниз. Вода входит выше.

Сольд постучал над меловой чертой. Глухой звук поднялся узкой полосой и исчез под резным карнизом.

— Там камень, — сказал он. — Никаких труб в стене нет.

— Не труб. Желоб на крыше.

Вежек говорил, что медный желоб лопнул три года назад. Лидия не могла ссылаться на разговор в караульной, не подставив Гарна и старого стражника. Она подняла вторую ткань к верхнему краю и провела ею по щели под карнизом. На полотно посыпалась зелёная крошка.

— Это медь, — сказала она. — Вода проходит по ней и оставляет зелень. Если повреждение сделано ножом сегодня, откуда внутри стены многолетний налёт?

Сольд растёр крошку между пальцами. Десятник приблизил фонарь.

— Может, она сунула туда медную пыль, — сказал один из мастеров снизу.

Тася вскинула голову, но Лидия опередила её.

— Тогда налёт лежал бы сверху. Здесь он вошёл в штукатурку. Снимите песчинку с глубины, не с края.

— Снимем — скажешь, что мы портим стену, — ответил Сольд.

— Не стену. Отделившийся грунт. Он всё равно упадёт. Но прежде запишите, где взяли образец, кто держал нож и кто видел.

Последние слова изменили выражение его лица. До этого Лидия просила его поверить наблюдению. Теперь предлагала оставить след, который смогут проверить другие. Для мастера, привыкшего единолично решать, что считать поздним, а что старым, свидетели были опаснее воды.

— Кто тебя этому научил? — спросил он.

— Стены, которые чинили слишком много раз.

— Кора не записывала каждую щепоть.

— Потому её и приговорили по чужой записи.

Верёвка на поясе натянулась. Гарн предупреждал её не о движении — о тоне. Лидия замолчала.

Сольд взял нож у десятника. На мгновение всем показалось, что он сейчас обрежет верёвку или полоснёт по пробному окну. Но мастер повернул лезвие и осторожно ввёл тупой конец под отставший грунт. Маленькая пластинка отделилась сама. Внутри она была зеленоватой, а ближе к красочному слою — почти чёрной.

— Чашку, — приказал Сольд.

Образец положили отдельно. Тася назвала место, время и имена свидетелей. Она говорила громко, будто записывала голосом на самой стене. Один из старших подмастерьев повторил за ней. Лидия заметила, что девушка не смотрит на неё, но стоит ближе, чем прежде.

— Теперь верх, — сказала Лидия. — Нужно проверить желоб.

— На крышу после дождя не полезут, — возразил десятник.

— Я не прошу лезть снаружи. Под карнизом должен быть осмотрный камень или деревянная крышка. Иначе желоб нельзя было бы чинить.

— Там нет крышки, — сказал Сольд.

Лидия оглядела карниз. Резные листья повторялись через

равные промежутки. Один лист был темнее и чуть смещён. На его нижнем крае не было пыли.

— Её открывали недавно.

Сольд поднял фонарь. Тёмный лист оказался деревянной заглушкой, расписанной под камень. Мастер провёл ногтем по щели и обернулся к людям.

— Кто трогал?

Никто не ответил.

— Лестницу, — приказал он.

Узкую приставную лестницу подняли на верхний ярус. Сольд полез сам. Лидию оставили внизу, на помосте. Она слушала, как скребёт дерево, как мастер ругается, когда заглушка не поддаётся, как кто-то приносит железный крюк.

Когда крышку сняли, из отверстия потекла вода.

Не струя — сперва несколько тяжёлых капель. Они ударили по доске и оставили тёмные круги. Потом из щели вылилось с полчашки мутной зелёной воды. Сольд едва успел отдёрнуть лицо.

Внизу ахнули.

— Не расширяйте! — крикнула Лидия. — Подставьте сосуд и снимите давление понемногу.

— Тут тряпка, — сказал мастер сверху.

Он вытянул из отверстия почерневший ком ткани. В него были завёрнуты тонкие медные пластинки, словно кто-то пытался залатать трещину изнутри. Ткань расползалась между пальцами.

— Старая? — спросил десятник.

Сольд не ответил. Спустившись, он положил находку рядом с образцом. На ткани сохранились белёсые полосы от многократного высыхания. Один край оброс зелёной коркой. Такое нельзя было устроить за ночь.

Лидия почувствовала слабость в коленях. Доказательство было убедительным, но оно не означало спасения. Кора всё равно вскрыла фреску без разрешения. Приговор могли исполнить за это, признав течь отдельной неприятностью.

Сольд думал о том же.

— Вода объясняет падение коня, — сказал он. — Не лицо князя. Пробу ты вырезала сама.

— Да.

Гарн посмотрел на неё с удивлением. Тася наконец подняла глаза.

— Не знаю, делала ли это Кора по своей воле, — продолжила Лидия. — Но разрез сделан её ножом. Я не стану утверждать обратное.

— Тогда что мы здесь обсуждаем?

— Приговор за порчу стены, которая уже разрушалась. И причину, по которой она полезла именно в это место.

— Она хотела открыть нижнюю мазню.

— Нижний слой не мазня.

Сольд бросил на неё быстрый взгляд. Лидия поняла, что сказала лишнее. Старший мастер видел красные пальцы в пробном окне. Он мог не знать, что они означают, но уже вы-

брал считать их неумелой подготовкой под победную сцену.

В складке рукава согрелась современная пыль. Красный слой находился на расстоянии вытянутой руки. Если коснуться его крупинкой, возможно, зал увидит переход. Тогда никто не сможет назвать нижнюю живопись пустой. Но первая пылинка сгорела, а эта могла оказаться одной из последних. Кроме того, свет привлечёт хранителя переходов раньше, чем Лидия поймёт правила.

Она прижала локоть к боку.

— Если нижний слой ничего не значит, — сказала она, — зачем поверх него положили грунт толщиной в палец? Старую живопись обычно либо сбивают, либо используют как основание. Здесь её закрыли так, чтобы она не проступила, но оставили целой.

— Ты видела ладонь и кусок рукава.

— И надпись под конём.

Сольд нахмурился.

— Какую надпись?

Мастеровой принёс обломок, который Лидия осматривала на лестнице. На обратной стороне красного слоя действительно виднелся светлый край буквы. При падении открылось ещё немного: теперь можно было различить две прямые черты и дугу.

— Это может быть орнамент, — сказал Сольд.

— Может. Поэтому нужно исследовать, а не угадывать.

Из дверей донёсся звон посоха. Люди расступились. В зал

вошла женщина в сером дорожном плаще, хотя плащ был сух и чист. Ей было около пятидесяти. Волосы убраны под сетку, на шее висела узкая золотая дощечка с княжеской печатью. За ней шли два писца.

— Совет перенесли в малую палату, — сказала она. — Кто объяснит, почему главный зал похож на мельницу после бури?

Сольд спустился ей навстречу.

— Советница Ядвига, в водоотводе открылась старая течь. Поздний грунт отходит от стены.

— А осуждённая почему на лесах?

— Она указала место течи.

— После того как сама распорола роспись?

— Повреждение водой старше её пробы, — сказал Сольд неохотно.

Лидия запомнила это признание. Писцы тоже: оба одновременно опустили перья на дощечки.

Ядвига приблизилась к лесам и посмотрела на обломок коня.

— Казнь назначена до совета, чтобы её не обсуждали на совете. Приговор княгини остаётся в силе.

Десятник выпрямился. Наконец его приказ снова стал простым.

— Снять осуждённую, — велел он Гарну.

Гарн потянул верёвку. Лидия ухватилась за стойку.

— Через семь дней стена начнёт падать дальше.

Ядвига уже отвернулась, но остановилась.

— Почему через семь?

Лидия не знала. Число пришло из плана работ, который она составила бы дома: день на осушение, день на карту повреждений, несколько дней на пробы и наблюдение. Здесь оно стало ставкой.

— Потому что сегодня вы убрали воду только из карниза. В толще она останется. Если просто растопить зал, получите новые вздутия. Если замазать трещины, вода найдёт выход ниже. За семь дней можно открыть водоотвод, составить карту пустот и закрепить края. После будет поздно спасать изображение без больших утрат.

— А почему не три дня?

— За три вы увидите только поверхность. Мне нужно сравнить участки утром и вечером, проверить, где стена отдаёт влагу, и сделать малые пробы нижнего слоя. Не для красоты — чтобы понять, на чём держится поздний грунт.

— Ты просишь отсрочку казни ради работы?

— Я прошу не убивать единственного человека, который уже нашёл причину.

Сольд шумно вдохнул, словно хотел возразить. Но Ядвига посмотрела на него.

— Вы нашли бы течь без неё?

— Нашёл бы после осмотра крыши.

— До или после совета?

Он промолчал.

Советница прошла к чашкам. Понюхала воду из кувшина, затем мутную воду, отжатую из стены. Во второй пахло медью и прелыми листьями. Она не была мастерицей, но различие не требовало учёности.

— Что именно ты сделаешь за семь дней? — спросила Ядвига.

Лидия перечислила, загибая пальцы.

— Остановлю поступление воды. Отмечу все пустоты простукиванием, не снимая живопись. Закреплю опасные края там, где они уже отходят. Сделаю три небольших окна в присутствии свидетелей: у лица, под конём и возле нижней дороги. Сравню грунты и запишу порядок слоёв. Каждый образец разделю надвое. Один останется у старшего мастера, второй — у человека, которого назначите вы.

— Почему разделять?

— Чтобы никто не мог заменить единственное доказательство.

По залу снова прошёл шёпот. Теперь он был другим. Не испуганным — настороженным. Люди привыкли, что мастер хранит образцы сам. Лидия предлагала отнять у него право на единственную версию.

Сольд побагровел.

— Она обвиняет мастерскую в подлоге.

— Я обвиняю воду в течи, — сказала Лидия. — Всё остальное покажут образцы.

Ядвига долго рассматривала пробное окно. Красная и бе-

лая руки под слоем победы были видны даже снизу. Советница поднялась на первый ярус, не дожидаясь помощи, и остановилась рядом с Лидией.

— Что там изображено?

— Пока видны две руки.

— Ты сказала на суде, что это договор.

Значит, Кора успела высказать догадку. Лидия осторожно ответила:

— Рукопожатие может быть договором, клятвой или примирением. Без соседних деталей точнее сказать нельзя.

— Вчера ты кричала, что княжеская победа нарисована поверх лжи.

— Вчерашняя Кора знала больше меня.

Ядвига повернулась к ней всем телом.

— Ты опять говоришь о себе как о другой женщине.

— После удара я помню не всё.

Это была первая прямая ложь, которую Лидия произнесла здесь ради спасения. Она почувствовала её как грязь под ногтем. Сказать советнице о другом мире при всех значило позвать Арсения Вельда. Пока Лидия не знала, что он сделал с Корой, хранитель оставался опаснее палача.

Ядвига коснулась меловой границы пустоты, не заходя на краску.

— Семь дней, — сказала она. — Не помилование. Отсрочка исполнения приговора ради сохранения княжеского имущества.

Десятник открыл рот.

— Советница, приказ княгини…

— Я не отменяю его. Я принимаю работу, которая должна быть завершена до исполнения. Запишите.

Писцы заскрипели перьями.

— Осуждённая остаётся под стражей, — продолжила Ядвига. — Ночует в нижней караульной. На леса поднимается только с мастером Сольдом, ученицей и двумя стражниками. Все пробы отмечать на рисунке стены. Образцы делить: одна половина мастерской, другая — малой палате. Если будет снят хоть один участок сверх назначенных трёх, отсрочка прекращается. Если она попробует открыть проход, немедленно вызвать хранителя.

Последняя фраза легла в тишину тяжёлым предметом.

Лидия не посмотрела на Гарна. Он рассказал ей о допросе Коры и видел свет в караульной. Тася носила крупинку пыли у горла. Любое движение могло выдать их.

— Что вы называете проходом? — спросила Лидия, заставляя голос звучать ровно.

— То, о чём тебе лучше не вспоминать.

Ядвига спустилась. У дверей она остановилась возле Сольда.

— К вечеру жду рисунок пустот и состояние желоба. Если стена упадёт, приговор понадобится не одной Коре.

Старший мастер побледнел.

Советница ушла вместе с писцами. Слуги закрыли двери

зала, и только тогда люди позволили себе заговорить. Одни спорили, как спустить воду с крыши. Другие обсуждали три окна. Кто-то сказал, что семь дней — слишком много для осуждённой. Кто-то ответил, что слишком мало для мокрой стены.

Гарн ослабил верёвку на поясе Лидии.

— Ты знала, что она согласится?

— Нет.

— Тогда почему сказала семь?

— Потому что один день уже почти кончился.

Тася подошла с пустыми чашками. Её руки дрожали, и вода выплеснулась на доску.

— Я думала, вы покажете свет, — прошептала она.

— И позову хранителя?

— Зато они увидели бы, что нижний слой настоящий.

— Они увидели бы то, что не умеют объяснить, и отдали бы нас тому, кто умеет.

Тася сжала губы. Она поняла. Возможно, прежняя Кора уже однажды сделала именно это и оказалась у Арсения.

Сольд поднялся к ним. В руке он держал обе половины зелёного образца.

— Не воображай, что стала мастером зала, — сказал он Лидии. — Ты осуждённая с семью днями.

— Тогда не тратьте первый на спор.

Он протянул одну половину Тасе.

— Отнесёшь в малую палату под охраной. Вторую запру

сам. Потом нарисуешь стену и нанесёшь меловую границу.

— А она? — спросила Тася.

— Она спустится и назовёт места, где простукивать. Руки к живописи не подносить.

Лидия посмотрела на обломок коня. Под белым поздним грунтом красная буква стала темнее от воздуха. Рядом лежала почерневшая тряпка из желоба — простое, тяжёлое доказательство того, что вода шла здесь годами. Этого хватило, чтобы отложить смерть. Не хватило, чтобы отменить её.

Семь дней.

За это время ей предстояло понять стену, найти след Коры, не попасть к хранителю и решить, можно ли доверить хотя бы часть правды людям, которые согласились оставить её в живых только ради княжеской росписи.

Гарн снял верёвку с её пояса и закрепил петлю на левом запястье.

— Теперь куда? — спросил он.

Лидия посмотрела на влажную полосу, уходившую под карниз. Потом на красный край нижнего изображения. Потом на Тасю, которая несла половину образца двумя ладонями, как горячий уголь.

— Сначала составим карту того, чего здесь будто бы нет, — сказала она.

На северной стене, ниже упавшего коня, сквозь мокрую известь проступила тонкая тёмная черта. Она изгибалась и уходила к самому полу. Не трещина — дорога, нарисованная

под победной сценой.

Лидия ещё не знала, куда она ведёт. Но впервые с момента пробуждения у неё было время пойти по ней.

Глава 4. Карта, которой нет

К полудню дорога дошла до края стены и исчезла под колонной.

Она проступала не краской, а влагой. Тонкая тёмная линия шла от копыт упавшего коня вниз, огибала красный рукав под поздним грунтом и раздваивалась у самого пола. Один след упирался в северную дверь, второй уходил к нарисованным холмам, поверх которых двадцать два года назад добавили строй победителей.

Лидия сидела на нижнем помосте со связанным левым запястьем. Верёвка тянулась к Гарну. Правой рукой она держала деревянную ручку и простукивала стену там, куда указывала Тася.

— Звонко, — говорила ученица.

Лидия ставила на бумажном рисунке точку.

— Глухо.

Точка превращалась в маленький круг.

— Совсем пусто.

Тогда круг обводили дважды.

Рисунок дал Сольд: четыре склеенных листа с очертаниями северной стены. Победная сцена была нанесена на них уверенными линиями, но без трещин, утрат и поздних вставок. На бумаге зал выглядел таким, каким его желали показывать гостям. Лидия испортила эту чистоту за час. Меловые

границы пустот разрастались, как облака перед дождём. Рядом Тася записывала время, высоту и звук каждого участка.

— Не называй всё пустым, — сказал Сольд, заглянув через плечо. — Там может быть рыхлый шов.

— Тогда отмечайте иначе, — ответила Лидия. — Но отмечайте.

— Я и без тебя знаю, как составлять опись.

— Вчерашняя опись где?

Он отвернулся.

После решения Ядвиги старший мастер стал разговаривать с Лидией так, будто каждое её слово отнимало у него часть зала. Однако работу не останавливал. Он велел снять две верхние доски лесов, чтобы добраться до водоотвода, послал людей на крышу и запер половину образца в железный ящик. Вторую половину Тася под охраной отнесла в малую палату. Вернувшись, девушка принесла восковую дощечку с оттиском советницы: образец принят.

Теперь у стены впервые появилось два хозяина, и ни один не мог незаметно выбросить неудобную щепоть.

Лидия постучала возле тёмной линии. Звук был ровный, плотный.

— Здесь поздний грунт держится, — сказала она.

— Тогда это не дорога, а сырость по шву, — заметил Сольд.

— Сырость не рисует развилку.

— Вода течёт куда найдёт.

— Именно. Значит, под слоем есть углубление. Возможно, линия старой краски или процарапанный контур.

Тася опустилась на колени и посмотрела вдоль стены почти вплотную. Потом достала из ящика маленькое круглое зеркало, поднесла к полу и поймала отражённый свет из окна.

— Здесь край синий, — сказала она.

Лидия легла на бок, насколько позволяла верёвка. Под тонкой чешуйкой извести действительно виднелась синяя крупинка. Не яркая лазурь победного неба, а глухой серо-синий пигмент.

— Не трогать, — предупредил Сольд.

— Это одно из трёх окон? — спросила Лидия.

— Нет. Окна назначу я.

— Ядвига назначила только число.

— А место выбирает мастер зала.

— Если выбрать места, где нижний слой уже известен, исследование ничего не покажет.

Сольд наклонился к ней.

— Исследование должно спасти роспись, а не подтвердить твои сказки.

— Чтобы спасти верхний слой, нужно знать, на чём он лежит. Если под ним гладкая краска, способ закрепления один. Если рыхлый грунт — другой.

— Ты сама это придумала?

— Нет. Стена придумала раньше нас.

Тася спрятала улыбку, отвернувшись к рисунку. Сольд заметил и велел ей идти за чистой водой.

В северную дверь постучали. Не так, как дворцовые слуги — тихо и настойчиво, три раза с одинаковым промежутком. Гарн поднялся. У двери уже стояли два других стражника, назначенных Ядвигой, но они смотрели на него: после ночи в караульной он считался тем, кто отвечает за осуждённую.

На пороге оказался высокий мужчина в выцветшем зелёном плаще. На одном плече висела кожаная сумка, из другого кармана торчали свёрнутые рейки. Сапоги были покрыты подсохшей глиной до самых колен. Мужчина снял шапку, показав тёмные волосы с ранней сединой на висках.

— Милан Рубеж, землемер пограничной палаты, — представился он. — Меня вызвали из-за северной дороги.

Сольд спустился с лесов.

— Кто вызвал?

— Советница Ядвига. Сказала, на стене обнаружена старая разметка местности.

— Обнаружена сырость.

— Тогда я быстро уйду.

Милан говорил без насмешки, но Сольд услышал её и нахмурился. Землемер тем временем оглядел зал. Его взгляд задержался на упавшем коне, меловых границах, верёвке на руке Лидии и рисунке, испещрённом кругами.

— Осуждённая? — спросил он.

— Подмастерье, испортившая лицо князя, — ответил

Сольд.

— У неё всегда связывают руку во время описи?

— До казни осталось шесть дней, — сказал Гарн. — Лучше не путаться в приказах.

Милан посмотрел на Лидию, но жалости она не увидела. Только внимательность человека, который проверяет расстояние до незнакомого берега.

— Покажите дорогу.

Сольд указал на тёмную полосу.

— Вода по старому шву.

— Дорога начинается выше, — сказала Лидия. — Под конём.

— Я спросил мастера.

— А ответила осуждённая, — заметил Милан. — Значит, у вас разные карты одного зала.

Он снял сумку и разложил на столе инструменты: складную линейку, шнур с узлами, латунный отвес, циркуль и дощечки, покрытые тонким слоем воска. Никакой магии в них не было. Лидия почувствовала неожиданное облегчение. После света из пыли и меняющихся воспоминаний простая линейка казалась обещанием мира, где вещи ещё имеют длину.

Милан измерил высоту линии над полом, расстояние до двери и угол развилки. Потом попросил лестницу. Сольд хотел возразить, но землемер показал дощечку с печатью Ядвиги.

— Мне велено снять положение всего видимого контура.

Краски не касаюсь.

Он работал быстро и молча. Тася держала конец шнура. Лидия называла точки, где влага совпадала с плотным грунтом, и те, где уходила в пустоту. Милан не спрашивал, откуда она знает разницу, пока не закончил первую линию.

— На местность похоже, — сказал он наконец.

Сольд скрестил руки.

— Любая кривая на местность похожа, если достаточно хотеть.

— У любой дороги есть привычки. Она не любит лишней высоты, ищет сухой брод и обходит склон там, где повозка перевернётся. Эта линия ведёт себя как дорога.

— На картине нет реальной местности. Художник мог согнуть её ради фигур.

— Мог. Поэтому я ещё не сказал, что это настоящая дорога.

Милан взял чистую дощечку и нарисовал развилку. Один путь шёл на северо-запад, другой почти прямо на восток.

— Где на победной сцене река? — спросил он.

Сольд указал на синюю полосу под копытами всадников.

— Ладога.

— Если это Ладога, восточная ветвь должна пересечь её дважды. Ни одна военная дорога так не шла. Переправы дорогие, медленные и заметные.

— Художник ошибся.

— Или река здесь не Ладога.

Сольд побледнел от злости.

— Победа у Ладоги записана в летописях.

— Я измеряю дороги, не победы.

Лидия всмотрелась в верхний слой. Река действительно изгибалась нелепо: сначала проходила перед строем, потом оказывалась за холмом, а возле княжеского коня снова выходила вперёд. Она считала это условностью композиции. Но если поздний художник сохранял часть старого пейзажа и менял только смысл сцены, ему пришлось бы приспособить новую битву к прежним линиям.

— Под дорогой есть мост? — спросила она.

Милан посмотрел на неё.

— Почему должен быть?

— Тёмная линия прерывается у синей полосы ровно на ширину двух ладоней. Возможно, поздняя река закрыла изображение переправы.

— Или краска там высохла иначе, — сказал Сольд.

— Проверим без снятия, — предложила Лидия. — Боковым светом.

Она попросила два фонаря и широкую доску. Один фонарь поставили почти у самой стены, второй закрыли доской от прямого света. Тени от неровностей вытянулись. Под гладкой синей краской проступил слабый прямоугольник, разделённый частыми поперечными полосами.

Тася первой назвала его:

— Настил.

Милан присел.

— Мост на шести опорах.

— Ты видишь шесть теней, — поправил Сольд.

— Пять. Шестую закрывает утрата.

Он зарисовал прямоугольник и измерил его положение. Потом достал из сумки свёрнутую карту. Кожа на ней была тонкая, потёртая по сгибам. На лицевой стороне тянулись чёрные дороги, синие реки и коричневые отметки поселений. Надписи были сделаны разными руками, но восточная часть выглядела слишком чистой, словно её перерисовали недавно.

— Новая пограничная карта, — сказал Милан. — Утверждена одиннадцать лет назад. Вот Ладога, вот дворец, вот северная дорога к Белому броду.

Он приложил дощечку с развилкой к карте. Ни одна линия не совпала.

— Значит, художник придумал, — сказал Сольд.

— Подождите.

Милан перевернул карту. На обратной стороне проступали продавленные линии прежнего рисунка. Когда-то здесь лежал другой лист, и писец сильно нажимал пером, копируя границы. Землемер натёр поверхность тёмной пылью из мешочка. На коже проявилась слабая сеть.

Одна дорога повторяла стенную развилку.

Тася поднесла фонарь.

— Здесь тоже две ветви.

— И мост, — сказал Милан.

На старом продавленном следе мост находился именно там, где боковой свет открыл прямоугольник под рекой. Восточная ветвь шла не к Ладоге, а вдоль другой воды, маленькой и безымянной на новой карте.

Лидия почувствовала, как в рукаве нагрелась пылинка. Не вспыхнула, только отозвалась, будто рядом натянули невидимую струну. Она прижала руку к животу. Красного слоя почти не было видно, но совпадение карты и изображения усилило что-то в стене.

Милан заметил движение.

— Бок болит?

— После падения.

— Она пытается достать краску, — сказал Сольд.

Гарн проверил верёвку и велел Лидии показать ладонь. Она разжала пальцы. Пылинка оставалась в складке манжеты, скрытая тканью.

— Пусто, — сказал стражник.

Сольд не поверил, но при землемере обыскивать её не стал.

— Откуда продавленный рисунок? — спросила Лидия.

Милан медленно свернул карту.

— Из пограничной палаты. Новую карту копировали на старом столе. Я заметил след три года назад.

— И никому не показали?

— Показал начальнику. Он сказал, что под кожей отпеча-

талась учебная карта.

— Вы поверили?

— Я измерил расстояния.

— И?

— Восточная ветвь существует на местности.

Сольд рассмеялся, но коротко и без радости.

— Если бы существовала, её знали бы возчики.

— Они знают. Только называют тропой к заброшенным каменоломням. Дорога шире тропы, основание каменное, межевые столбы сбиты. На новых картах её нет. В податных книгах земли восточнее моста считаются княжеским лесом, хотя там стоят старые сады и фундаменты.

— Почему вы пришли сюда с картой, если вас вызвали только утром? — спросила Лидия.

Милан посмотрел на тёмную линию под фреской.

— Потому что Кора писала мне месяц назад.

Тася выронила карандаш.

Сольд резко обернулся.

— Что она писала?

— Что нашла изображение дороги, которой нет в описях дворца. Просила принести все карты северной границы и не говорить хранителю переходов.

В зале стало тихо. Даже мастеровые на крыше перестали стучать, словно услышали имя сквозь камень.

— Письмо у вас? — спросил Гарн.

— Было. Через два дня после получения текст исчез.

— Чернила выцвели?

— Нет. Лист остался, печать осталась, обращение ко мне осталось. Исчезли строки о дороге. Я успел переписать их в полевую книжку.

Он вынул маленькую тетрадь в кожаном чехле. На одной странице теснились числа, углы и названия селений. Посередине было записано: «Северная стена. Дорога под конём. Две ветви. Мост прежде реки. Кора просит старые карты. Хранителю не сообщать».

Лидия читала медленно. Почерк принадлежал Милану, но слова Коры дошли до неё через него, как голос через закрытую дверь.

— Почему запись не исчезла? — спросила Тася.

— Не знаю. Я писал её в поле, у восточного межевого камня. В палате мои копии менялись вместе с картами. Эта осталась.

— Потому что камень связан с дорогой, — сказала Лидия.

Милан поднял на неё глаза.

— Это догадка?

— Пока да.

— Хорошо. Я не люблю, когда догадку называют знанием.

Первое, что ей в нём понравилось, было не лицо и не голос, а именно эта фраза. Но понравилось — опасное слово. Лидия поправила себя: первое, чему можно было доверять.

Сольд вырвал тетрадь из рук землемера.

— Письмо осуждённой не делает старый слой правдивым.

— Нет, — согласился Милан. — Но карта, продавленный след, линия на стене и дорога на местности совпадают независимо друг от друга.

— Ты хочешь сказать, что дворцовая роспись — межевой документ?

— Я хочу измерить. Слова выберем после.

Сольд пролистал тетрадь, ничего не понимая в столбцах чисел, и вернул её.

— На сегодня хватит. Дорога не относится к течи.

— Относится к выбору пробных окон, — сказала Лидия. — Одно нужно открыть у моста.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там поздний слой цел.

— Именно поэтому. У лица князя край уже открыт, под конём слой упал сам. Третье окно должно быть там, где повреждения нет, иначе мы сравним только больные места.

Милан кивнул.

— Разумно.

Сольд посмотрел на него так, будто землемер только что присоединился к заговору.

— Ты пришёл снять линию. Снял. Уходи.

— Мне велено передать советнице заключение.

— Передашь, что увидел сырой шов.

— Передам, что контур совпадает с удалённой дорогой на прежней карте и с существующей дорогой на местности.

— Прежней карты нет.

— Есть её след.

— След не карта.

— Тогда и верхняя живопись не победа, а след краски на стене.

Сольд шагнул к нему. Гарн переместился между мужчинами, хотя верёвка на руке Лидии натянулась и заставила её встать.

— Без драки, — сказал стражник. — Мне приказано охранять осуждённую, а не разнимать чиновников.

Милан поднял ладони и отступил. Сольд отвернулся первым.

— Третье окно будет у дороги, — произнёс он. — Малое. Не шире двух пальцев. Открывать завтра, после того как просохнет край. Сегодня только рисунок пустот.

Это была уступка, но он произнёс её как приказ.

Тася отметила место на бумаге. Лидия наклонилась и рядом написала: «Окно третье. Мост». Рука местной Коры выводила буквы иначе, чем привыкла Корнеева: шире, с наклоном влево. Она уже переставала замечать эту разницу.

Милан собирал инструменты. Лидия хотела спросить, что ещё было в письме, встречался ли он с Корой прежде и знает ли, куда ведёт восточная ветвь. Сольд стоял рядом, стражники слушали, а имя хранителя уже прозвучало слишком громко.

— Землемер, — позвала она. — На новой карте где за-

канчивается княжеский лес?

Он понял, что вопрос не о лесе.

— У Белого брода.

— А по старому следу?

— За восточным мостом. На девять вёрст дальше.

— Чьи там земли?

— Сейчас княжеские.

— А раньше?

Милан затянул ремень сумки.

— Если верить камням, принадлежали трём ладожским сёлам. Если верить книгам, этих сёл никогда не было.

Тася тихо втянула воздух. Сольд велел ей продолжать рисунок.

Лидия посмотрела на верхнюю сцену. Победители ехали по земле, полученной после войны. Под ними сохранялась дорога к поселениям, стёртым не только с карты, но и из памяти людей. Поздний слой был не просто красивой ложью. Он превращал изображение в право владеть.

Современная пыль снова нагрелась. На этот раз голубой свет не появился, но красная линия под конём на мгновение стала резче. Лидия увидела не букву, а часть слова: «равн…».

Она моргнула, и известь снова скрыла надпись.

— Что вы увидели? — шепнула Тася.

— Пока догадку.

Милан услышал и едва заметно улыбнулся.

У двери он остановился.

— Завтра мне позволят присутствовать при пробе?

— Нет, — сказал Сольд.

— Да, — одновременно ответила Лидия.

Гарн кашлянул.

— Решает советница.

— Тогда спрошу у неё, — сказал Милан. — И принесу копию полевой съёмки восточной дороги.

— Не приносите единственную, — предупредила Лидия.

Он задержал на ней взгляд.

— Уже научился.

После его ухода северная дверь закрылась, но зал не стал прежним. На столе осталась дощечка с измеренной развилкой. На рисунке стены появилось третье окно. В голове у каждого, кто слышал разговор, возникла дорога к трём сёлам, которых будто бы никогда не существовало.

Сольд собрал мастеровых вокруг повреждённого участка и распределил работу. Он не произнёс ни слова о карте. Велел очистить водоотвод, подвести подпорки, снять лишнее тепло и приготовить состав для укрепления краёв. Всё было правильно. Всё обходило главное.

Лидия вернулась к простукиванию.

К вечеру тёмная линия подсохла и почти исчезла. Если бы Милан пришёл на несколько часов позже, он увидел бы только победную сцену и меловые круги. Тася обвела дорогу на рисунке синим карандашом, сохранив её положение. По-

том сделала вторую копию.

— Одну Сольду? — спросила она.

— Да.

— Вторую в малую палату?

— Да.

Тася помедлила.

— А третью?

Лидия посмотрела на неё.

— Третью нарисуешь по памяти?

— Уже.

Девушка вынула из-под передника узкую полоску ткани. На ней углём была нанесена развилка, мост и пять опор, а в углу — расстояния, которые вслух называл Милан.

— Где спрячешь?

— Не скажу.

— Правильно.

Тася свернула ткань. В её движении впервые не было просьбы разрешить. Она сама решила, что сохранить и кому не доверять. Лидия почувствовала гордость, но не позволила себе назвать её ученической. Это чувство принадлежало Корее, отношения — тоже. Корнеева могла только не разрушить то, что осталось.

Когда за окнами стемнело, Гарн повёл Лидию обратно в караульную. У северной двери она оглянулась. Подсохшая известь снова стала светлой. Дороги не было.

Но теперь существовали три её следа: на рисунке Сольда,

в малой палате и на ткани у Таси. Четвёртый лежал продавленной линией на обороте карты Милана. Пятый тянулся через лес к садам исчезнувших сёл.

Правда пока не стала сильнее лжи. Она просто перестала быть единственной вещью, которую можно уничтожить одним движением.

На лестнице Гарн сказал:

— Хранителю доложат о землемере.

— Кто?

— Кто-нибудь. В зале двадцать человек.

— Значит, завтра он придёт.

— Возможно, раньше.

Лидия коснулась манжеты, где лежала современная пыль. За один день она получила отсрочку и союзника с картой. За тот же день назвала место третьего окна человеку, контролировавшему переходы.

Внизу звякнул засов. Из караульной тянуло холодом и кашей. Лидия вошла, зная, что следующая проверка будет уже не спором о воде.

На стене под победой лежала карта, которой нет.

А человек, сделавший её несуществующей, теперь знал, где Лидия собирается искать.

Глава 5. Хранитель проходов

Арсений Вельд пришёл до рассвета, когда третье окно ещё существовало только угольным прямоугольником на рисунке.

Лидия проснулась от того, что в караульной стало светло. Не от свечи: голубая полоса лежала на каменном полу, пересекала ножку стола и поднималась по стене, хотя единственное окошко смотрело в серый двор. Современная пыль в манжете жгла запястье.

Она не шевельнулась.

У двери стоял человек в длинном тёмном кафтане. На вид ему было около сорока пяти. Худое лицо, седая прядь над правым виском, чистые сапоги без дворцовых пряжек. Он держал в ладони плоскую медную рамку, похожую на пустую оправу для маленькой картины. Внутри рамки дрожал тот самый голубой свет.

Гарн сидел на табурете у печи, прямо и неподвижно. Его глаза были открыты, но на появление гостя он не реагировал.

— Он жив, — сказал незнакомец. — Просто помнит сейчас другую ночь.

Лидия села на лежанке и спрятала обожжённое запястье под одеяло.

— Арсений Вельд?

— Значит, обо мне успели предупредить.

Он сомкнул пальцы вокруг рамки. Голубая полоса погасла. Гарн вздрогнул, вскочил и схватился за меч.

— Кто вас впустил?

— Ты сам. Пять минут назад.

— Не впускал.

— В твоей памяти — нет.

Гарн оглянулся на Лидию, будто она могла подтвердить одну из двух ночей. Арсений показал ему серебряную печать на цепочке. На печати была изображена дверь без ручки.

— Приказ малой палаты, — сказал хранитель. — Осмотреть осуждённую до начала работ. Развязывать не велено.

— У неё рука не связана во сне.

— Тогда свяжи.

Гарн помедлил. После голубого света приказ звучал не как обычная дворцовая прихоть. Он надел на левое запястье Лидии кожаную петлю, другой конец закрепил за кольцо в стене и проверил узел дважды.

Арсений дождался, пока стражник отойдёт.

— Обыск проводили?

— Сразу после ареста. Потом ещё раз в нижнем зале.

— Нашли красную чешуйку, серую пыль, розовый обломок?

Гарн побледнел.

Лидия поняла: хранитель перечислял не догадки. Он знал, что лежало в ящике Таси, хотя образцы разделили и спрятали.

— Образцы учтены советницей, — сказал Гарн. — Я не имею права выдавать.

— Я не просил выдавать. Я спросил, нашли ли их при ней.

— Нет.

Арсений посмотрел на манжеты Лидии.

— Значит, плохо искали.

— Приказ Ядвиги запрещает касаться образцов без писца, — сказала Лидия. — Если вы пришли за ними, зовите её.

— Я пришёл посмотреть на тебя.

Он придвинул второй табурет, но не сел сразу. Сначала провёл медной рамкой над полом, вдоль лежанки и возле стены. В пустом прямоугольнике ничего не появилось. Когда рамка оказалась напротив Лидии, по меди пробежал голубой отблеск.

— Лидия Кора не знала этого слова, — произнёс Арсений.

— Какого?

— «Писец». Она говорила «переписчик», как все в мастерской. А ты выбираешь слова иначе. Держишь ложку иначе. Смотришь на стену так, словно привыкла, что старое берегут даже тогда, когда оно неудобно.

Гарн нахмурился.

— Она ударилась головой.

— Удобное объяснение.

— А у вас есть лучше? — спросила Лидия.

Арсений наконец сел.

— Есть. Но если я произнесу его при страже, Гарн обя-

зан будет доложить советнице. Потом его память придётся поправить ещё раз. После третьей поправки люди начинают забывать лица детей. Не хочу тратить его ради разговора.

— Вы только что заставили его забыть, как вошли.

— Я заставил его вспомнить другую минуту. Это не одно и то же.

— Для него — одно.

Гарн перевёл взгляд с одного на другого.

— Я могу позвать смену.

— Позови, — разрешил Арсений. — И Ядвигу. Скажи, хранитель просит открыть северный зал до обычного часа. Осуждённая будет при тебе.

Гарн явно не хотел оставлять их вдвоём, но приказ избавлял его от необходимости решать, кому верить. Он позвал стражника снаружи, передал поручение и остался у двери.

Арсений больше не спрашивал. Он достал из кармана кусочек белого мела и положил на стол между ними.

— Возьми.

Кожаная петля позволяла Лидии дотянуться. Она не стала.

— Зачем?

— Хочу увидеть, какой рукой ты возьмёшь инструмент.

— Вы уже знаете, что я работаю правой.

— Кора тоже работала правой. Но ты сначала проверяешь, чист ли предмет. Она брала сразу.

— Вы хорошо её знали?

— Достаточно, чтобы она меня боялась.

— За две недели до ареста вы водили её к себе.

Арсений не удивился.

— Она нашла один из моих служебных слоёв. Я показал, что бывает, когда открывают переход без удержания.

— И после этого она перестала говорить о старой росписи.

— На время.

— Что вы с ней сделали?

— Вернул домой.

Лидия взглянула на Гарна. Стражник смотрел в окно и делал вид, что не слушает.

— Она и была дома.

— Тело — да.

Ответ прозвучал спокойно, почти буднично. От этого стало страшнее.

— Где она сейчас?

— Если бы знал, не пришёл бы до рассвета.

Во дворе ударил колокол смены. За дверью послышались шаги. Арсений убрал мел, словно закончил первую пробу.

Ядвига вошла в караульную в накинутом поверх ночного платья плаще. Следом явились Сольд, двое стражников и сонный переписчик с доской. Тася не пришла. Лидия почувствовала облегчение и тут же устыдилась его: ученица всё равно окажется в зале, а отсутствие сейчас лишь отдаляло опасность.

— Вы просили открыть зал, — сказала Ядвига. — На ка-

ком основании?

— Там готовят окно над дворцовым узлом.

Сольд окончательно проснулся.

— Окно у старого моста. Я проверил стену. Поздний слой цел, пустота малая.

— Вы проверили штукатурку. Я говорю о переходе.

— Вчера там не было света, — возразила Лидия.

Арсений поднял медную рамку. Внутри вспыхнула тонкая голубая нить.

— Сегодня есть.

Ядвига велела вести осуждённую наверх. На этот раз Лидии связали обе руки спереди. Гарн держал верёвку, второй стражник шёл сзади. Арсений двигался рядом, не приближаясь, но Лидии всё время казалось, что он касается взглядом манжеты.

В Зале Победы пахло мокрой известью и холодной золой. Рабочие ещё не пришли. У северной стены стояли только Тася и Милан Рубеж. Землемер принёс свёрнутую полевую съёмку и держал её под мышкой. Тася увидела Арсения и прижала ящик с инструментами к груди.

— Ты обещал спросить разрешения, — сказал Сольд Милану.

— Спросил. Советница разрешила.

Ядвига коротко кивнула. Вид у неё был такой, словно она уже сожалела о каждом вчерашнем решении.

Арсений остановился посреди зала. Он не смотрел на ри-

сунок стены, на угольный прямоугольник или полевую карту. Он повернулся вокруг себя с закрытыми глазами и поднял рамку. Голубая нить внутри вытянулась в сторону скрытого моста.

— Кто касался нижнего слоя чужим следом? — спросил он.

Никто не ответил.

— Если мне придётся искать самому, я начну с одежды.

— Я коснулась красной краски пылью из своего мира, — сказала Лидия.

Тася резко взглянула на неё. Гарн натянул верёвку, будто признание означало попытку бежать.

— Где остальная пыль?

— В безопасном месте.

— Здесь нет безопасных мест.

— Тогда тем более не отдам.

Сольд шагнул к Лидии.

— Ты нарушила условие отсрочки. Любая попытка открыть проход…

— Была до решения Ядвиги, — перебил Гарн. — В караульной. Потом она не касалась стены пылью. Я следил.

Арсений посмотрел на него с лёгким интересом.

— Верная память иногда полезнее исправленной.

Гарн положил ладонь на рукоять меча.

— Не трогайте мою память.

— Тогда не стой рядом с открытым узлом.

Хранитель подошёл к северной стене и приложил медную рамку к верхнему слою возле нарисованной реки. Голубая нить распалась на сеть тонких жилок. Они побежали по краске, повторяя трещины, обогнули копыта коня и собрались вокруг прямоугольника скрытого моста.

Победная роспись дрогнула.

На мгновение Лидия увидела вместо зала заросшую дорогу. Каменный настил уходил через мелкую воду к трём тёмным крышам. У моста стояли люди в красных и белых плащах. Один держал свиток обеими руками. Ветер шевелил ткань, но пламя факелов не колебалось.

Потом видение погасло. На стене снова были всадники.

Милан развернул полевую карту.

— Это восточный мост. Пять опор сохранились, шестая ушла под воду.

— Шесть, — тихо сказала Тася. — На стене тоже шесть.

— Вы все видели одно? — спросила Ядвига.

Переписчик подтвердил первым. Потом Гарн, Сольд и Милан. Арсений не дал им обсудить увиденное.

— Вот почему окно нельзя открывать обычным способом. Изображение стало точкой перехода. Пока верхний слой цел, он удерживает её закрытой.

Лидия посмотрела на позднюю роспись.

— Вы хотите сказать, что ложь служит дверью?

— Запором. Дверь лежит ниже.

— Почему она открылась сейчас?

— Потому что подлинное изображение узнало материальный след события, которого в этом мире быть не должно.

— Моя пыль не участвовала в старом договоре.

— Не обязательно участвовать в самом договоре. Достаточно пройти через тот же разрыв. Глина на сапоге помнит дорогу лучше человека. Кровь помнит тело. Пепел помнит огонь. Твоя пыль помнит переход.

Он говорил так, как мастер объясняет ученикам состав грунта: без таинственности, перечисляя свойства вещества. Лидия почти поверила простоте его слов, но вспомнила Гарна, который пять минут жил с чужой памятью.

— Тогда объясните всё, — сказала она. — При переписчике. Как вы открываете проходы и зачем закрашиваете старые сцены.

Ядвига подняла голову.

— Осуждённая не задаёт хранителю условия.

— Зато условие поставила стена. Если я должна спасти роспись за шесть дней, мне нужно знать, что делает её опасной.

— Пять дней, — поправил Сольд. — Сегодня уже второй.

— Тем более.

Арсений снял рамку со стены. Голубые жилки исчезли.

— Пусть записывает, — сказал он переписчику. — Официальное устройство узлов не является тайной. Тайной обычно оказывается то, что люди делают с этим знанием.

Он велел поставить два фонаря по обе стороны третьего

окна и разложил на столе три вещи: медную рамку, кусок мутного стекла и тонкую дощечку с нарисованным чёрным кругом.

— Переход появляется не там, где кто-то нарисовал дверь, — начал Арсений. — Иначе каждый ребёнок мог бы уйти через угольный рисунок. Нужны три совпадения. Первое — подлинное изображение места или события. Не красивое и не точное во всех подробностях, а созданное тем, кто видел изображённое и оставил в материале собственное свидетельство.

Он коснулся дощечки.

— Второе — след участника: вещь, вещество или часть тела, которые были по одну сторону разрыва и сохранили связь с другой. Третье — признание. Хотя бы один живой человек должен понять, что видит, и назвать это правдой.

— Поэтому вчера дорога не открылась полностью, — сказал Милан. — Мы признали её дорогой, но не знали, что случилось у моста.

— Вы признали достаточно, чтобы узел проснулся. Пыль добавила след. Сегодня рамка удержала направление.

Тася подняла руку, будто на уроке.

— Если верхний слой показывает другое, почему признание не исчезает?

Арсений впервые посмотрел на неё прямо.

— Потому что признание не то же самое, что вера. Можно повторять официальную историю и всё же узнать лицо мате-

ри под чужим именем. Узел берёт это мгновение узнавания.

— А поздний слой? — спросила Лидия.

— Даёт людям другое изображение, которое легче признать. Если его показывают достаточно долго, если под него переписывают книги, проводят границы и выносят решения, он собирает множество свидетельств. Старое остаётся под ним, но перестаёт получать человеческое подтверждение. Переход засыпает.

— А документы меняются сами?

Ядвига резко повернулась к ней.

Арсений выдержал паузу.

— Не сами. Люди меняют их, забывая, что сделали это. Иногда чернила бледнеют там, где старое слово больше никто не способен прочесть. Иногда писец переносит текст и уверен, что исправил ошибку. Иногда совет принимает новую границу, потому что прежняя кажется невозможной. Магия не двигает межевой камень ночью. Она делает так, что утром никто не спрашивает, кто его передвинул.

Милан положил ладонь на полевую тетрадь.

— Камни не забывают.

— Поэтому ты ещё жив, землемер. Ты измеряешь до того, как спрашиваешь память.

— А три ладожских села?

— Не открывай вопрос, если не готов услышать ответ при советнице.

— Я готов.

— А она?

Все посмотрели на Ядвигу. Советница застегнула плащ у горла.

— Сегодня мы решаем судьбу стены, а не земель.

— Земли уже лежат на стене, — сказала Лидия.

— Именно поэтому я не позволю открыть их ударом ножа.

В её голосе не было уверенности человека, который считает верхний слой правдой. Была усталость хранителя государственного порядка, внезапно увидевшего под краской цену собственного молчания.

Сольд встал перед третьим окном.

— Я отвечаю за роспись. Можно укрепить край, не снимая верхнего слоя. Ввести состав через прокол, прижать грунт и закрыть трещину.

— Можно, — согласился Арсений. — Это погасит узел на несколько лет.

— Тогда так и сделаем.

— Нет, — сказала Лидия.

Сольд обернулся.

— Ты здесь не решаешь.

— Вы введёте клей в пустоту, где лежит старый красочный слой. Он пропитает его, потемнит и приклеит к позднему грунту. Потом два слоя уже нельзя будет разделить без потерь. Вы не спасёте стену. Вы склеите свидетельство с тем, что его скрывает.

— Зато стена не рухнет.

— Есть другой способ. Укрепить края снаружи, снять верхний грунт в границах окна, перенести его на временную основу и открыть нижнюю краску без пропитки. Потом оба слоя можно сохранить отдельно.

— На это уйдут недели.

— На участок шириной две ладони — день, если не торопить.

— И переход откроется, — напомнила Ядвига.

Арсений взял со стола мутное стекло.

— Я могу удержать его рамкой. Один раз и недолго.

— Почему помогаете? — спросила Лидия.

— Я ещё не сказал, что помогу.

Он поставил стекло перед её лицом. Сквозь него зал размылся, зато северная стена стала резкой. Под всадниками проступили люди у моста. Красный и белый плащи сходились у свитка. За ними дрожал прямоугольник голубого света.

А в глубине света находилась современная мастерская.

Лидия увидела металлический стол, лампу на шарнирной стойке и свою кружку с отколотой ручкой. На спинке стула висел серый халат. Всё было так близко, что она различила засохший след охры на рукаве.

Она шагнула, забыв о верёвке. Гарн удержал её.

Изображение исчезло.

Арсений опустил стекло.

— Вот зачем я пришёл. Не ради дороги и не ради трёх сёл.

Дворцовый узел нашёл новый берег. Твой.

Лидия не могла сразу заговорить. Она знала, что мастерская существует. Уже видела её в караульной. Но сейчас там было утро: по стене двигался настоящий свет, часы над дверью показывали восемь двадцать. В её мире прошло не больше суток — или стекло показывало сохранённое мгновение.

— Можно пройти?

— Можно открыть. Это не значит, что можно дойти живой.

— Кора прошла?

— Она коснулась края.

— Где она?

— Между признанными историями нет комнаты, где можно ждать. Либо её выбросило на другом берегу, либо след рассыпался. Я не почувствовал смерти. Но это слабое утешение.

Тася побелела.

— Вы отправили наставницу в разрыв?

— Она открыла его сама. Я закрыл зал и вытащил то, что считал Корой. Через несколько дней понял, что вернулось не всё.

Лидия стиснула связанные руки.

— Поэтому она молчала.

— Поэтому она путала имена, не узнавала собственные записи и боялась красного цвета. Потом память вернулась. Или вернулась часть, которая хотела закончить работу.

Тася поставила ящик на пол, иначе уронила бы.

— Вы никому не сказали.

— Сказать, что дворцовая подмастерье открыла бесконтрольный берег и вернулась другой? Её казнили бы в тот же день, а стену сбили до кирпича. Я дал ей время.

— А потом позволили арестовать, — сказала Лидия.

— Я не приказывал резать лицо князя.

— Она не резала. Течь старше её пробы.

Арсений посмотрел на Сольда. Старший мастер отвёл глаза.

— Значит, ошибся не только я, — сказал хранитель.

Его признание не принесло облегчения. Он произнёс его без просьбы о прощении, как добавленную строку в опись.

Ядвига подошла к столу и накрыла мутное стекло ладонью.

— Что вы предлагаете?

— Восстановить победный слой. Не проколом. Снять ослабленную часть, укрепить обе поверхности и вернуть позднюю роспись на место. Уничтожить связь с чужим следом. Дорога снова уснёт.

— А осуждённая?

— Получит помилование и место в дворцовой мастерской под моим надзором.

Тишина стала плотнее штукатурки.

Сольд первым понял выгоду.

— Она умеет отделять слои. Если выполнит работу, верх-

няя сцена останется цела.

— И нижняя? — спросил Милан.

— Будет описана перед закрытием, — сказал Арсений. — Можно сделать рисунок, взять малый образец, записать состав.

— То есть снова спрятать дорогу.

— Сохранить государство от перехода, который никто не умеет удерживать.

— И сохранить земли за княгиней.

— Это решает княгиня.

— Очень удобно разделять решения, когда одна и та же краска делает оба дела, — сказала Лидия.

Арсений повернулся к ней.

— Я предлагаю тебе жизнь.

— Чью?

— Твою нынешнюю.

— А Коры?

— Если найдём её след, попробуем открыть малое окно после укрепления. Без свидетелей и без дороги.

Тася отступила от него.

— Вы хотите закрыть стену, а потом обещаете искать её под закрытой стеной.

— Я хочу отделить один переход от десятков старых признаний. Сейчас каждый человек, увидевший договор, усилит узел. Если открыть окно перед рабочими, зал может потянуться сразу к нескольким берегам.

— Такое уже случалось? — спросил Гарн.

Арсений долго молчал.

— Одиннадцать лет назад на Южной заставе нашли роспись пожара. Пожилой солдат узнал дом, из которого вынес ребёнка. Его ременная пряжка сохранила копоть. Переход открылся в горящую улицу двадцатилетней давности. Двое вошли за ребёнком, которого давно спасли. Вернулся один, обгоревший и постаревший на несколько лет. Огонь вышел за ними и сжёг заставу. После этого хранителей обязали закрывать все узлы, не подчинённые дворцу.

В рассказе не было героической интонации. Арсений назвал последствия, не оправдывая приказ. Лидия поняла, почему его довод действовал на Ядвигу и Сольда. Опасность была настоящей. Ложь могла одновременно удерживать страшную дверь и красть чужую землю.

— Почему дворец должен подчинять переходы себе? — спросила она.

— Потому что рамки, карты узлов и обученные люди есть только у дворца.

— Потому что вы не учите других.

— Если каждый землемер и маляр получит рамку, через год половина границы будет состоять из дыр.

— А если рамка только у вас, никто не узнает, какие двери вы закрыли вместе с людьми и правами.

— Именно.

Она не ожидала согласия.

Арсений убрал стекло в карман.

— Власть хранителя опасна. Я это знаю лучше тебя. Но опасность разделённой власти не исчезает от добрых намерений. Представь десять мастеров, каждый уверен, что его правда важнее чужой жизни. Кто закроет девятую дверь, пока они спорят у первой?

— Свидетели, правила и копии, которые нельзя исправить одним приказом.

— Ты говоришь как человек из мира, где старые изображения не открывают улицы в огне.

— В моём мире старые изображения тоже меняют границы и память. Только медленнее. Поэтому их не отдают одному хранителю.

Милан посмотрел на неё внимательнее. Ядвига прищурилась, но не спросила, откуда она пришла. После мастерской в стекле вопрос стал лишним.

Арсений приблизился на один шаг.

— До полудня реши. Согласишься — я подтвержу, что повреждение вызвано старой течью, и сниму обвинение в умышленной порче. Ты восстановишь поздний слой под моим наблюдением. Получишь жалованье, комнату и доступ к закрытым описям. Возможно, дорогу домой, когда узел станет безопасным.

— А если откажусь?

— Я не отменю приказ Ядвиги. У тебя останутся пять дней и три окна. Но рамку для третьего я не дам. Если по-

пытаешься открыть его без удержания, закрою зал вместе с тобой внутри.

— Это угроза?

— Размер двери.

Он кивнул советнице, затем Сольду и пошёл к выходу.

— Подождите, — сказала Лидия. — Вы показали официальные правила. Покажите рамку изнутри.

Арсений остановился.

— Зачем?

— Если я должна восстановить слой и не открыть проход, мне нужно видеть, что вы удерживаете. Иначе вы предлагаете мне работать рядом с огнём, но не даёте посмотреть на печь.

Сольд хотел возразить, однако Арсений вернулся и протянул медную оправу. Гарн ослабил верёвку ровно настолько, чтобы Лидия могла взять её обеими руками.

Рамка оказалась тяжёлой. На внешней стороне медь была гладкой, а на внутренней шли неглубокие царапины. Не заклинания и не буквы. Метки: короткая, длинная, две коротких, круг, перечёркнутый угол. Некоторые были затёрты пальцами.

— Это места? — спросила Лидия.

— Закрытые узлы.

— Сколько?

— Сорок три.

— А меток больше.

— Остальные не закрылись.

Она поднесла рамку к третьему окну. Внутри появился голубой свет. За ним проступил мост, затем мастерская. Но у самого края Лидия заметила ещё одно изображение: женская рука в красной краске, прижатая к обратной стороне стены. Рука шевельнулась.

Тася вскрикнула:

— Наставница!

Арсений вырвал рамку. Свет погас.

Все говорили одновременно. Гарн удерживал Лидию. Сольд требовал отойти от стены. Переписчик уронил доску. Только Арсений молчал, глядя на медь так, словно увидел невозможное.

— Вы знали? — спросила Лидия.

— Нет.

Впервые его спокойствие дало трещину.

— Это была Кора? — Тася подошла ближе. — Вы видели её руку?

— Я видел след.

— След шевельнулся.

— Пламя на старом изображении тоже шевелится, если узел просыпается.

— Не лгите мне.

Арсений сжал рамку.

— Я не знаю.

Его прежняя фраза могла бы прозвучать честно: он не лю-

бил, когда догадку называли знанием. Но сейчас незнание угрожало его власти сильнее любой ошибки.

Ядвига велела всем отойти от стены и запечатать зал до полудня. Сольд возмутился: мокрый край нельзя оставлять без присмотра. Ему разрешили войти с двумя мастерами, но третье окно запретили касаться. Милан отдал переписчику копию полевой съёмки и вторую спрятал обратно в сумку. Тася не выпускала из рук ящик.

Арсений задержался у северной двери.

— Моё предложение остаётся, — сказал он Лидии. — Теперь оно касается двух жизней.

— Поэтому я тем более не закрою стену вслепую.

— Если это действительно Кора, открытие может убить её.

— А закрытие?

Он не ответил.

Стражники повели Лидию в малую комнату рядом с залом. На этот раз Гарн сам выбрал место у окна и проверил, нет ли на стенах живописи. Тася успела коснуться пальцами плеча Лидии, прежде чем Ядвига приказала ей вернуться к Сольду.

— Я видела руку, — прошептала девушка.

— Я тоже.

— Это была она.

— Пока мы знаем только, что след двигался.

Тася отпрянула, будто услышала слова Арсения.

— Ты теперь говоришь как он.

— Нет. Я говорю так, чтобы нас не заставили ошибиться быстрее.

Ученица сжала губы, потом кивнула. Не согласилась — отложила спор.

Когда дверь закрылась, Лидия осталась с Гарном и полосой утреннего света на полу. На ладонях сохранился металлический запах рамки. Перед глазами стояли две руки: красная и белая на нижней росписи, женская — за голубым краем.

Арсений предложил ей именно то, чего она хотела ночью: жизнь, работу, доступ к описям и возможность вернуться домой. Цена казалась простой — восстановить верхний слой. Сделать то, что реставратор обычно делает ради сохранения памятника.

Но здесь сохранение одного слоя означало снова лишить голоса другой. Рука Коры превратила спор о карте в вопрос, от которого нельзя было отступить: кто имеет право назвать живого человека допустимой потерей ради безопасной истории.

До полудня оставалось четыре часа.

Лидия подошла к чистой стене комнаты и попросила у Гарна мел.

— Зачем?

— Записать, что мы видели, пока никто не сделал это удобнее.

Он поколебался, потом достал короткий обломок.

Лидия написала на камне шесть строк: мост; свиток; красный плащ; белый плащ; мастерская; женская рука за краем.

Гарн прочитал и добавил седьмую:

— Рука двигалась.

Теперь у события было два свидетеля.

Арсений мог закрыть дверь. Но ему уже было труднее убедить всех, что за ней ничего не осталось.

Глава 6. Проба на стене

К полудню надпись на стене малой комнаты успели прочитать одиннадцать человек.

Ядвига прислала переписчика снять копию. Сольд пришёл проверить, не придумала ли Лидия движущуюся руку после ухода Арсения. Двое мастеровых принесли доску для временной основы. Тася трижды проходила мимо двери с разными инструментами. Каждый останавливался перед семью строками, и Гарн заставлял читать их вслух в одном порядке.

Мост. Свиток. Красный плащ. Белый плащ. Мастерская. Женская рука за краем. Рука двигалась.

— Зачем вслух? — спросил Сольд.

— Чтобы потом никто не сказал, будто видел другое, — ответил Гарн.

Арсений вернулся последним. Он принёс медную рамку в запечатанном футляре и двух хранительских помощников с серыми повязками на рукавах. Один нёс ведро песка, второй — плотное войлочное полотно.

— На случай огня? — спросила Лидия.

— На случай, если из стены выйдет не твоя мастерская.

— А песок остановит переход?

— Нет. Зато остановит то, что через него горит.

Ядвига собрала всех в зале и огласила решение. Третье окно разрешалось открыть на ширину двух ладоней и высо-

ту одной. Поздний слой следовало снять целиком, укрепить на доске и сохранить в железном шкафу. Нижнюю роспись могли осматривать ровно четверть часа. Образцы брать запрещалось. Если рамка Арсения покажет расширение узла, работу прекращали без спора.

— Кто будет свидетелем? — спросила Лидия.

— Все присутствующие.

— Тогда нужны независимые записи. До разговора друг с другом.

Ядвига не хотела умножать бумаги, но Милан поддержал Лидию. Он принёс восемь чистых листов и предложил каждому после открытия написать увиденное отдельно. Сольд сказал, что мастеровые едва умеют ставить подпись.

— Нарисуют, — ответил землемер. — Или продиктуют разным переписчикам.

Арсений согласился неожиданно легко.

— Пусть. Только листы положите в разные ящики.

На северной стене поздняя роспись выглядела безупречной. Река блестела между копытами, на берегу княжеские воины принимали оружие побеждённых. Угольный прямоугольник возле скрытого моста казался мелким повреждением, которое аккуратный хозяин велел бы закрасить до приезда гостей.

Лидия попросила развязать правую руку. Гарн посмотрел на Ядвигу. Та кивнула.

Тася разложила инструменты: тонкий нож с закруглён-

ным концом, две мягкие кисти, льняную ткань, тёплый клей, бумажные полосы и маленькие деревянные лопатки. Сольд проверил каждую вещь, особенно клей.

— Слабый, — сказал он.

— Так и нужно, — ответила Лидия. — Временная защита должна потом уйти водой, не унося краску.

Она показала на отдельной дощечке. Нанесла клей тончайшим слоем, положила бумагу, разгладила кистью от центра к краям. Когда поверхность подсохла, бумага держала чешуйки вместе, но снималась после увлажнения.

— На стене нельзя мочить нижний слой, — сказал Сольд.

— Поэтому вода попадёт на бумагу уже после переноса.

— Если перенос удастся.

— Если будете торопить, не удастся.

Арсений установил рамку на железной стойке напротив окна. Помощники растянули войлок по полу и насыпали вокруг него полукруг песка. Милан стоял у стола с картой. Переписчики расселись по разным углам. Тася поднялась на помост рядом с Лидией.

— Начинайте, — велела Ядвига.

Лидия коснулась стены тыльной стороной пальцев. Поверхность была холоднее, чем утром. Она провела кистью по границе прямоугольника, сняла пыль и нанесла бумажные полосы внахлёст. Белая решётка закрыла реку, часть копыта и лица двух маленьких воинов.

— Вы заклеили изображение, — недовольно сказал

Сольд.

— Чтобы оно не рассыпалось при снятии.

Пока бумага подсыхала, Тася готовила доску. На неё положили льняную ткань и тонкий слой мягкой глины, способной принять неровности грунта. Лидия проверила угол света. В боковых тенях проявлялся прямоугольный настил скрытого моста.

Первый надрез она сделала по верхней границе окна. Не резала глубоко, а вела закруглённый конец вдоль трещины между поздним грунтом и старой гладкой поверхностью. Нож вошёл на толщину ногтя и остановился.

— Там выступ, — сказала Тася.

— Или крупинка песка. Дай тонкую лопатку.

Сольд поднялся на помост.

— Я сам.

— Тогда отвечаете за потерю нижней краски.

Он замер. Раньше право старшего мастера означало право первым касаться стены. Теперь каждая рука становилась частью записи, и Сольд не захотел навсегда связать своё имя с возможной утратой.

— Продолжай, — буркнул он.

Лидия ввела лопатку сбоку. Препятствие оказалось старой каплей грунта. Она обошла её, не срезая. Потом отделила нижний край. Поздний слой зашевелился как плотная корка на остывшей каше.

В медной рамке появилась голубая точка.

— Узел отвечает, — предупредил Арсений.

— Мы ещё не открыли краску.

— Для перехода достаточно движения границы.

Лидия остановилась и подождала. Точка не росла.

— Дальше.

Они прижали подготовленную доску к стене. Тася держала левый край, Сольд после короткого колебания взял правый. Лидия ввела две лопатки снизу и медленно подняла пласт. Поздний грунт отделился с влажным вздохом.

Из щели пахнуло речной тиной.

Голубая точка вытянулась в линию. Арсений стиснул рамку обеими руками.

— Не смотреть в щель, — приказал он.

Конечно, посмотрели все.

За поздним слоем было не каменное основание. Там двигалась вода под деревянным мостом. Лидия видела её всего через палец раскрытия: тёмную, быструю, с белыми семенами на поверхности. Оттуда тянуло осенним холодом.

— Поднимать, — сказала она. — Вместе. Раз, два, три.

Пласт лёг на мягкую глину доски. Сольд и Тася отнесли его на стол лицом вверх. На снятом куске сохранилась синяя река и два воина. Ни одна чешуйка не упала.

Лидия осталась перед открытым прямоугольником.

Нижняя роспись была ярче, чем она ожидала. Красный плащ слева, белый справа. Между людьми не было оружия. Они держали один свиток, а за их спинами сходились две

группы без различимых знаков победы. Над мостом шла надпись. Открылись только четыре буквы: «равн».

— Равнина, — сказал Сольд.

— Равный, — одновременно произнёс Милан.

Рамка вспыхнула.

Зал исчез не целиком. Верхняя роспись осталась по краям, но внутри окна мост протянулся в глубину. По нему шли люди. Красные плащи не отступали, белые не преследовали. Обе стороны несли раненых к одной повозке.

— Это было после победы, — сказала Ядвига. — Наши позволили ладожцам забрать убитых.

— После договора, — возразил Милан. — Они меняют пленных.

— Молчать, — приказал Арсений. — Не называйте увиденное.

Но признание уже началось.

Один из мастеровых заплакал. Он смотрел на мужчину в красном плаще у края моста.

— Дед, — сказал он. — Мне говорили, он погиб под Белым бродом.

Мужчина в видении повернул голову.

Голубой свет вырвался из рамки и лёг на пол дорогой. Помощники Арсения бросили войлок, но ткань провалилась в сияние и появилась на мосту. Ветер подхватил её, прижал к перилам.

— Закрывайте окно! — крикнул Арсений.

Сольд схватил доску с поздним слоем.

— Нет! — Лидия встала между ним и стеной. — Сырой край раздавите.

— Тогда чем?

Она сорвала со стола чистую льняную ткань и накрыла нижнюю роспись, не прижимая. Видение потускнело, но голубая дорога осталась.

— След участника, — сказал Арсений. — Кто его принёс?

Мастеровой, назвавший деда, сжал ремень на поясе.

— Пряжка его. Отцовская.

— Сними и брось в песок.

Тот не послушался. На мосту мужчина в красном протянул руку.

— Он меня видит.

— Он видит пряжку, а не тебя.

— Это мой дед.

Арсений шагнул к нему. Мастеровой попятился на голубую полосу. Его нога исчезла по щиколотку и появилась на досках моста.

Лидия дёрнула верёвку.

— Гарн!

Стражник обхватил мастерового сзади и повалил. Милан вырвал ремень, отбросил его в песок. В рамке что-то звякнуло. Голубая дорога сузилась.

Мужчина на мосту исчез первым. Потом вода и люди. Остался только открытый прямоугольник росписи под льня-

ной тканью.

Арсений опустил рамку. По его рукам текла кровь: острые внутренние края меди рассекли ладони.

— Четверть часа закончилась, — сказала Ядвига, хотя прошло не больше трёх минут. — Верните слой.

— Сначала записи, — ответила Лидия.

— Мы едва не потеряли человека.

— Поэтому записи нужны сейчас.

Милан уже раздавал листы. Гарн посадил мастерового у колонны и велел описать деда, не слушая остальных. Тася зарисовывала открытый участок. Сольд спорил с помощниками Арсения: поздний пласт нельзя возвращать, пока края не укреплены и основа не просохла.

— Тогда закройте доской, — решила Ядвига. — И выставьте стражу.

Лидия сняла льняную ткань лишь на несколько секунд, чтобы Тася закончила рисунок. На свитке различались две печати, одинаковые по размеру. Ниже красной руки шла тонкая белая линия, ниже белой — красная. Художник намеренно поменял цвета, показывая взаимное обязательство.

Надпись после высыхания стала виднее: «равн… стор…».

— Равные стороны, — прошептала Тася.

На этот раз рамка не вспыхнула. Материальный след лежал в песке, а Арсений держал медь опущенной.

Сольд накрыл окно выпуклой доской, не касавшейся краски. По краям поставили восковые печати Ядвиги и храните-

ля. Поздний слой унесли в железный шкаф. Лицо маленького синего воина смотрело с доски вверх, будто победитель сам оказался снят со стены и временно лишён своего места.

Записи собирали в два ящика. Лидия продиктовала переписчику только предметы и действия: два человека держат свиток; две равные печати; смешанные группы несут раненых; мужчина в красном протягивает руку; материальный след — пряжка; проход расширяется после узнавания.

— А смысл? — спросил переписчик.

— Смысл сравним после.

Когда последний лист запечатали, Ядвига позволила говорить.

Различия обнаружились сразу.

Сольд видел капитуляцию: белый посланник принимал свиток у красного, а раненых уносили победители. Милан видел обмен пленными после перемирия. Тася была уверена, что обе стороны приносили клятву на мосту. Гарн запомнил, что люди несли не раненых, а сундуки. Один помощник Арсения вообще не увидел свитка — в его памяти двое держали меч плашмя.

— Мы стояли в трёх шагах, — сказал Гарн. — Как можно увидеть сундуки вместо людей?

Арсений перевязывал ладони.

— Каждый достроил открытый кусок тем, что уже признавал правдой. Узел дал изображение, память дала рассказ.

— Значит, ни одной записи нельзя верить? — спросила

Ядвига.

— Можно верить совпадениям, особенно предметам. Мост видели все. Две стороны — все. Насилия в открытом участке не видел никто до того, как начал объяснять смысл.

— И две печати, — добавила Лидия.

Сольд покачал головой.

— Печать была одна.

Тася принесла рисунок. На нём две круглые печати висели по краям свитка.

— Я рисовала до разговора.

— Ты могла дорисовать вторую по узору.

— А можно посмотреть на стену, — сказала Лидия.

Ядвига запретила снимать защитную доску до следующего утра.

— Тогда у нас останутся независимые записи, — сказал Милан. — Завтра сравним их с вещами, а не с памятью.

Мастеровой у колонны всё ещё держал пряжку. Он перестал плакать.

— Моего деда звали Войт, — сказал он. — Отец говорил, что его убили ладожцы. Но я сейчас вспомнил другое. Дед сам привёл оттуда мою бабку. Она была из села за восточным мостом.

— Какого села? — спросил Милан.

Мастеровой открыл рот и не смог ответить.

— Знал минуту назад.

— Не заставляйте, — предупредил Арсений.

— Почему?

— Потому что верхний слой ещё признан всем княжеством. Одна открытая проба не вернёт память ровно. Она будет приходить обломками и спорить с прожитой жизнью. Человек может забыть настоящее, пытаясь удержать прошлое.

Мастеровой посмотрел на свои руки.

— У бабки были белые полосы на рукавах. Я всегда думал, это праздничное.

Милан записал примету отдельно.

Ядвига приказала отпустить рабочих до утра и запретила им рассказывать об увиденном. Никто не возразил, но Лидия знала: запрет опоздал. Одиннадцать человек уже унесли из зала разные версии одного моста. К вечеру в городе появятся одиннадцать историй, и каждая будет менять то, что люди способны вспомнить.

Арсений дождался, пока остальные отойдут.

— Теперь понимаешь моё предложение?

— Лучше понимаю опасность. Не необходимость лжи.

— Разница утешит семью человека, которого Гарн едва вытащил?

— Вы знали три условия и всё равно допустили к окну людей с личными вещами.

Он затянул повязку зубами.

— Я проверил их рамкой утром. Пряжка не отвечала до открытия изображения.

— Значит, ваши правила неполны.

— Да.

Снова честный ответ без защиты. Лидия начинала понимать его способ держать власть: он признавал малую ошибку раньше, чем она могла добраться до большого решения.

— Рука Коры сегодня не появилась, — сказала она.

— Потому что окно открылось к событию у моста. У стены несколько связей. Твоя пыль тянет к мастерской, пряжка — к участнику договора, сама роспись — к прошлому месту. След Коры лежит глубже или в стороне.

— Значит, нужно открыть больше.

— Именно этого нельзя делать без карты узла.

— Тогда научите меня её составлять.

Арсений усмехнулся впервые, но без веселья.

— Утром ты требовала посмотреть на печь. Теперь хочешь стать кочегаром.

— Я хочу не сжечь человека, которого вы уже однажды не смогли вернуть.

Он взглянул на запечатанную доску.

— До завтра я принесу карту дворцовых связей. Не из доверия. Ты увидела то, чего не увидела моя рамка. Мне нужен твой способ смотреть на слои.

— А вам нужен мой ответ?

— До вечера.

— Нет.

— Ты даже не спросила, что получишь после сегодняшнего.

— Вы предлагаете свободу, которую можете отнять, и путь домой, который не умеете открыть безопасно. Взамен хотите, чтобы я уничтожила единственное доказательство до исследования. Цена ясна.

Арсений взял футляр.

— Тогда завтра ты останешься осуждённой.

— Сегодня я тоже ею была. Стена от этого не стала другой.

После его ухода Тася дождалась, пока Гарн отвернётся, и вложила Лидии в ладонь крошечный свёрток. Внутри лежал кусок бумаги с быстрым рисунком двух печатей и буквами над ними.

— Оригинал у Милана, копия в малой палате, — прошептала она. — Это третья.

— Где ткань с дорогой?

— Не здесь.

— Хорошо.

— Ты правда отказалась?

— Да.

Тася выдохнула, словно всё утро сама ждала приговора.

— Я боялась, что ты вернёшься домой и оставишь нас с закрытой стеной.

Лидия посмотрела на бумагу. Современная мастерская оставалась настоящей. Кружка, халат, лампа — жизнь, которую она не выбирала потерять. Отказ Арсению не означал отказа от дома. Пока нет.

— Я не обещаю остаться, — сказала она. — Обещаю не

заклеить то, чего мы ещё не поняли.

Тася кивнула. Этого ей пришлось принять.

Вечером Лидию снова повели в караульную. У лестницы мастеровой с пряжкой ждал разрешения уйти. Он повторял одно слово, боясь снова забыть.

— Бережки, — сказал он Милану. — Село называлось Бережки.

Землемер раскрыл полевую тетрадь. На старой выписке за восточным мостом значились три пустых места без названий. Возле первого он написал: «Бережки — со слов внука Войта».

Чернила легли на бумагу и не исчезли.

Проба на стене открыла участок размером в две ладони. Этого оказалось достаточно, чтобы официальная победа впервые уступила место договору, а у стёртого села появилось имя.

Глава 7. Память штукатурки

Утром слово «Бережки» исчезло из полевой тетради.

Милан положил её перед Лидией на стол так осторожно, словно между страницами лежал больной палец. Бумага была та самая: сероватая, с тёмной жилкой у края, помятая от сырости. Вчера возле первого пустого места землемер собственноручно написал название села. Сегодня там осталось только расплывчатое пятно, похожее на след от воды.

— Чернила были железные, — сказал он. — Такие водой не смоешь. Они въедаются.

— Кто-нибудь видел запись после нас?

— Гарн. Переписчик из малой палаты. Я прочёл её вслух дважды. Потом завернул тетрадь в промасленную ткань и спал на ней.

Гарн, стоявший у двери караульной, недовольно поправил перевязь.

— Не прямо на ней. Под изголовьем. Я проверял окно и дверь. Никто не входил.

Лидия наклонила лист к свету. Борозда от пера сохранилась. Если провести ногтем, можно было почувствовать каждую букву: широкое начало «Б», две неглубокие дуги, торопливый хвост последней «и». Исчезло не письмо как действие. Исчезло то, что делало его читаемым.

Она попросила уголь. Тася протянула мягкий обломок из

ящика. Лидия положила сверху тонкую бумагу и легко провела боковой стороной угля. Выступы остались светлыми, впадины потемнели. На сером проступило: «Бережки — со слов внука Войта».

Милан выругался шёпотом.

— Значит, запись есть, — сказала Тася.

— Есть след руки. Это не одно и то же.

Лидия посмотрела на свой указательный палец. В прежней жизни ей случалось читать надписи, почти целиком ушедшие вместе с красочным слоем. Боковой свет, снимок в другом диапазоне, отпечаток рельефа — исчезнувший знак иногда оставлял достаточно, чтобы восстановить движение кисти. Но здесь кто-то словно развёл содержание и вещество. Бумага помнила нажим. Чернила забыли слово.

— Где остальные записи?

— В малой палате, — ответил Милан. — Ядвига велела открыть ящики при всех.

— А мастеровой?

Гарн отвёл глаза.

— Не помнит Бережки. Утром назвал село Боровым. Потом сказал, что бабка была местная и никогда не носила белых полос.

Тася сжала уголь так сильно, что тот треснул.

— Он же повторял название всю дорогу.

— Повторял. Я повторял вместе с ним. Сейчас слово кажется мне знакомым только потому, что вы его произносите.

Лидия закрыла тетрадь. В груди стало холодно, хотя караульную уже нагрела печь. До сих пор ложь на стене казалась огромной, но всё же неподвижной вещью: поздним слоем, который можно исследовать, укрепить, отделить. Теперь она увидела, что слой продолжал работать. Каждое утро он заново подправлял людей и книги, пока открытое окно оставалось маленьким исключением.

В Зале Победы пахло воском и влажным льном. За ночь защитная доска над пробой не сдвинулась. Все четыре печати были целы. Рядом поставили два стола: на одном лежали вчерашние записи, на другом — предметы, которые свидетели согласились принести снова. Пряжка Войта находилась в миске с сухим песком. Возле неё — полевая тетрадь Милана, рисунок Таси, книга дворцовых расходов, кусок ремня мастерового и узкая белая тесьма, найденная его женой в сундуке.

Ядвига пришла без обычной свиты, только с двумя писцами. Арсений опоздал. Он вошёл с плоским футляром под мышкой; обе ладони были забинтованы, поэтому замок футляра открыл помощник. Внутри лежала не карта в привычном смысле, а три полупрозрачных листа тонкой кожи. На каждом были нанесены стены дворца и цветные линии.

— Карта связей, — сказал Арсений. — Как обещал. Но сначала ваши записи.

Печати на ящиках вскрыли по очереди. Первый лист принадлежал Сольду. Вчера он написал: «Два человека держат

свиток, печать одна». Сегодня строка выглядела иначе: «Победитель принимает подчинение, знак княгини один».

Сольд долго смотрел на собственный почерк.

— Я так и видел.

— Вы писали предметы, — напомнила Лидия. — Без толкования.

— Значит, переписчик заменил лист.

Писец побледнел и показал оборот. Там стояли отпечаток большого пальца Сольда и вчерашняя клякса в форме крючка. Лист не меняли.

Запись Гарна тоже стала увереннее и проще: вместо двух групп, несущих неясный груз, теперь в ней были рубежские воины, выносящие добычу. У помощника Арсения меч, которого он будто бы видел, превратился в опущенное знамя. Даже лист Милана изменился. В нём сохранились две стороны и мост, но пропало слово «равные», а обмен пленными стал выдачей ладожских заложников.

Только рисунок Таси не поддался целиком. Две печати остались на месте, хотя одна побледнела. Красный и белый плащи всё ещё имели одинаковый рост. Надпись превратилась в россыпь бессмысленных чёрточек.

— Почему рисунок держится? — спросила Ядвига.

— Может быть, потому что я не писала, что это значит, — ответила Тася. — Рука повторяла линии.

— Слова тоже линии, — возразил писец.

— Не для вас. Вы пишете их уже со смыслом.

Лидия достала угольный оттиск из тетради и положила рядом. Сходство было слишком явным, чтобы отмахнуться: вещество сохраняло движение, а признанный рассказ захватывал значение. Она попросила у писцов чистые листы.

— Проведём пробу. На одном каждый запишет, что помнит. На втором скопирует только форму двух печатей с рисунка Таси. Не называйте их печатями. Просто окружности, хвосты, пятна. Третий лист положим на тетрадь и снимем нажим углём. Все листы разделим и спрячем в разных местах.

— Ещё один опыт с узлом? — спросила Ядвига.

— Без открытия прохода. Нам нужно понять, чему сопротивляется вещь.

Арсений разложил кожаные карты.

— Сопротивляется не вещь. Сопротивляется действие, которое успело оставить форму до признания. Стена меняет рассказ через верхний слой. Но ей трудно изменить порез на коже, вытертую ступень или привычку руки.

— Вы знали это вчера?

— Знал частично.

— Достаточно, чтобы предупредить.

— Если бы я перечислял всё, что может удержать старое, половина княжества хранила бы запрещённые следы.

— Значит, вы не только охраняете проходы. Вы помогаете слою стирать доказательства.

В зале стало тихо. Ядвига повернула голову к Арсению, но тот смотрел только на Лидию.

— Я не наносил победную сцену, — произнёс он. — И не застал первого признания. Я поддерживаю то, что не даёт сразу открыться десяткам переходов.

— Удобное различие.

— Не удобное. Необходимое.

Сольд ударил ладонью по столу.

— Стена сохнет. Хотите судить хранителя — судите после. Сейчас либо возвращаем снятый пласт, либо укрепляем края.

Он был прав, и это раздражало сильнее всего. Лидия подошла к пробе. Воск на печатях не треснул. На нижней кромке доски выступила капля влаги. Она коснулась её бумажным жгутиком: вода была чистой, без голубого отблеска.

— Сначала осмотрим край, — решила она. — Без материальных следов рядом. Пряжку унести за колонну. Тесьму тоже.

Мастеровой, которого звали Нездан, ждал в боковом проходе. Услышав распоряжение, он неожиданно прижал миску с пряжкой к груди.

— Это моё.

— Никто не отнимает, — сказал Гарн. — Отнесём на десять шагов.

— Вчера вы уже бросили её в песок.

Нездан говорил зло, но пальцы его делали другое. Они вынули пряжку из миски, протёрли углы рукавом, продели ремень в скобу и сложили свободный конец особой петлёй.

Движения были быстрыми, точными, совершенно не похожими на неловкость человека, впервые увидевшего старую застёжку.

Милан замер.

— Откуда знаешь эту петлю?

— Всякий знает.

Гарн снял собственный ремень и протянул ему.

— Завяжи.

Неждан попытался повторить. Ремень Гарна был уже, пряжка обычная, с одним язычком. Пальцы дважды пошли неверно. Неждан рассердился и бросил ремень.

— Эта застёжка другая.

— Потому что дедова? — спросила Тася.

— Отец научил.

— А его кто?

Неждан открыл рот. Лицо его стало пустым. Он не помнил Войта, погибшего под Белым бродом, достаточно живым, чтобы тот учил сына завязывать ремень. Но тело сохранило урок, переданный через два поколения.

Лидия попросила повторить движение медленно. Тася рисовала не пряжку, а положения пальцев: большой прижимает край, средний подхватывает петлю снизу, мизинец удерживает натяжение. На третьем повторе Неждан сам заметил, что после затяжки белая тесьма легла поперёк ремня.

— Зачем она?

— Чтобы не натирало, — ответил он сразу. Потом нахму-

рился. — Не знаю.

Милан достал свою старую полевую выписку. Возле восточного моста он когда-то зарисовал каменного человека с двумя светлыми полосами на рукавах. Вчера Неждан вспомнил такие полосы на одежде бабки. Сегодня отрицал. Но, складывая ремень, он сам поместил белую тесьму точно там, где она закрывала бы край грубой кожи.

— Не праздничное, — сказал Милан. — Рабочая обмотка. Так носили по ту сторону моста.

Неждан посмотрел на свои руки с испугом.

— Я рубежанин.

— Ты Неждан, — ответила Лидия. — Руки не делают тебя врагом.

— Если они помнят чужое, то чьи они?

Она едва не сказала, что понимает. У неё самой были руки Коры: тоньше прежних, с другими мозолями, умеющие на ощупь находить местные инструменты. Но внутри этих рук жила её собственная память о мастерской, резком свете лампы и запахе растворителя. Ответа, где заканчивалось одно тело и начиналась другая жизнь, у неё не было.

— Твои, — сказала она наконец. — Просто они знают больше, чем тебе разрешили помнить.

Арсений велел помощнику унести пряжку и тесьму в дальний конец зала. Неждан пошёл следом добровольно, не выпуская ремня. Перед колонной он свернул вправо, хотя Гарн указал налево.

— Почему туда? — окликнул Милан.

— К лестнице.

— Там стена.

За колонной действительно была гладкая побелка. Нежданостановился перед ней в двух шагах и растерянно оглянулся.

Сольд нахмурился.

— До перестройки здесь ходили в северную кладовую. Проём заложили лет пятнадцать назад.

— Двадцать два, — поправил Арсений.

— Нет. Я тогда уже работал во дворце. После победы тут ещё стояла дверь.

Ядвига резко посмотрела на старшего мастера.

— По дворцовым книгам северное крыло не перестраивали сорок лет.

Сольд провёл ладонью по побелке. Потом шагнул назад, взял деревянный молоток и простучал стену. В середине звук оказался пустым.

— Проём есть, — сказал он. — Кирпичная закладка тонкая.

— Вы помните работы?

— Помню, что сам принимал известь. — Сольд закрыл глаза. — Нет. Помню руки в извести. Возил ли я её сюда или на кухонную стену, не скажу.

Ядвига приказала принести книгу дворцовых расходов. Писец нашёл год победы. На страницах значились ремонт

конюшен, новая кровля оружейной и роспись Зала. Северной кладовой не было. Тогда Сольд потребовал лист на просвет. У корешка обнаружилась узкая полоса, где бумага была толще.

Лидия смочила край чистой водой и приложила промокательную бумагу. На ней проступила бледная сетка. Не буквы — только рельеф от прежних строк, соскобленных перед тем, как страницу заполнили заново.

— Не стена изменила книгу сегодня, — сказала она. — Эту страницу чистили ножом много лет назад.

Арсений покачал головой.

— Вчера ты бы увидела гладкий лист. Открытая проба усилила старый след настолько, что рука и глаз снова его находят.

— След был физически всегда.

— Да. Но никто не мог признать, что видит его.

Это было хуже исчезающих чернил. Ложь не обязательно двигала вещи. Иногда она двигала внимание, заставляя человека проходить мимо царапины, двери, знакомого поворота. Факты оставались на месте и всё же не становились знанием.

Лидия посмотрела на верхнюю роспись. Победители на ней занимали всю стену, яркие, крупные, легко читаемые. Под ними прятались не только другие изображения. Под ними лежали движения, дороги и родство, которым люди перестали давать имена.

Защитную доску снимали четверо. Лидия заранее записала каждое действие и заставила всех снять металлические украшения. Нежданостался за колонной с Гарном. Арсений держал рамку закрытой в футляре. Без неё голубой свет не появился.

Нижняя роспись за ночь не пострадала. Две печати висели на свитке. Надпись читалась яснее: «равные стороны хранят…» Дальше уходила под поздний грунт.

— Две, — сказал Сольд глухо.

— Что две? — спросила Ядвига.

Он показал пальцем, не касаясь стены.

— Печати. Вчера я написал одну. Сегодня в моём листе одна. А на стене две.

— Вы это признаёте?

Сольд долго молчал. Лидия видела, как в нём борются не два воспоминания, а две верности. Если он признает нижний слой, окажется, что мастерская двадцать два года поддерживала подделку. Если откажется от очевидного, предаст ремесло, которому служил дольше любой княгини.

— Признаю то, что могу измерить, — сказал он. — Левая печать шириной в два моих ногтя. Правая такая же. Шнуры входят в один свиток. Это две печати.

Восковая печать Ядвиги на краю защитной доски тихо треснула, хотя её уже сняли и положили на стол.

Писец вскрикнул. В книге расходов сама собой потемнела строка. Там, где прежде значился лишь ремонт конюшен,

проступили отдельные слова: «заложить северный ход… после переноса… свидетелей не…» Затем чернила снова побледнели, но трое успели прочесть их вслух.

— Никому больше не говорить, — приказала Ядвига.

— Поздно, — сказал Милан. — Мы уже признали.

Княжеская советница закрыла книгу обеими ладонями.

— Один мастер назвал две печати, и дворцовая книга начала меняться. Если открыть всю стену, что станет с грамотами на землю? С браками? С наследством?

— Они уже основаны на изменённом рассказе, — ответил Милан.

— Люди живут не в вашем точном прошлом. Они живут в домах, которые получили, растят детей, платят долги. Вернёте старые названия — вернутся ли старые владельцы? А если их потомки потребуют двор у тех, кто родился в нём?

— Поэтому нам нужны способы удерживать оба слоя, — сказала Лидия. — Не приказать всем забыть нынешнее и не оставить ложь единственной. Сначала зафиксировать следы так, чтобы они не зависели от одной книги и одной памяти.

Она предложила четыре вида записи. Слова — для смысла, рисунок — для формы, оттиск — для рельефа, действие — для привычки. Каждый факт следовало повторить в разных материалах и при независимых свидетелях. Если изменится одно, остальные покажут, где искать.

— И где вы спрячете всё это? — спросил Арсений. — Во дворце, стены которого соединены с узлом?

— Не спрячем. Разнесём. Одну копию оставим здесь, одну отдаём землемерам, одну — мастерским за рекой.

Ядвига усмехнулась без веселья.

— То есть распространим запрещённую версию быстрее, чем успеем понять последствия.

— Версию можно запретить. След — проверить.

— Люди не различают их так охотно, как вы.

— Тогда научим различать.

Арсений впервые за утро раскрыл футляр рамки, но медь не вынул. Вместо этого он положил поверх стола три кожаных плана. Цветные линии на них не совпадали. На первом все сходились к Залу Победы. На втором расходились к восточному мосту, княжеской усыпальнице и северной стене. На третьем одна голубая линия уходила за край дворца и заканчивалась знаком, похожим на раскрытую ладонь.

— Эти карты делали три хранителя, — сказал он. — Каждый был уверен, что видит узел верно. После смерти предшественника линии менялись. Я считал это ошибками наблюдения. Теперь допускаю, что признанный слой менял не связь, а то, какие связи хранитель способен замечать.

— Где ваш собственный план?

Арсений указал на первый. Все пути на нём проходили через его зал.

— Очень удобно, — сказал Милан.

— Именно поэтому я принёс остальные.

Лидия совместила кожи на свет. Стены совпали, цветные

линии — нет. Но в трёх местах изгибы повторяли друг друга: у открытого окна, возле заложенного северного прохода и в маленькой комнате за княжеской усыпальницей.

— Что там?

— Архив снятых изображений, — ответил Арсений.

Тася подняла голову.

— Снятых со стен?

— Фрагментов, которые прежние хранители сочли опасными.

— Вы говорили, их уничтожали.

— Я говорил, что переход можно закрыть, уничтожив подлинное изображение. Не что мы уничтожили все.

Лидия почувствовала, как Тася рядом перестала дышать.

Если в архиве сохранялись старые фрагменты, там мог лежать след Коры. Могло быть продолжение договора, лица свидетелей, изображения исчезнувших сёл. И каждый кусок мог открыть проход, если рядом окажется подходящий предмет.

— Покажите архив, — сказала Лидия.

— После того как укрепите окно и докажете, что ваши четыре записи переживут ночь.

— Снова торг.

— На этот раз проверяемое условие.

Ядвига поддержала его. До вечера Лидия должна была укрепить край раскрытия и подготовить набор независимых копий. Ночью их разместят в четырёх местах: у Ядвиги, в

землемерной палате, в мастерской и за заложенной северной дверью. Утром сравнят. Если хотя бы три набора сохранят измеряемые признаки, советница разрешит осмотр архива. Если записи превратятся в четыре новых рассказа, окно закроют снятым пластом до решения княгини.

Работа заняла остаток дня. Лидия укрепляла края слабым известковым составом, который не запечатывал нижнюю краску. Тася снимала рисунок через прозрачную кожу. Сольд вырезал две деревянные мерки по ширине печатей и поставил на каждой зарубки, не называя их назначения. Милан сделал оттиск рельефа надписи. Писцы составили сухое описание предметов без слов «победа», «договор» и «подчинение».

Неждана попросили снова завязать дедову пряжку. Его движения повторили на четырёх коротких полосках кожи: каждый следующий человек учился не по словам, а глядя на руки предыдущего. Последней была Ядвига. Она дважды ошиблась, на третий раз затянула петлю правильно.

— И что это доказывает? — спросила она.

— Пока ничего, — ответила Лидия. — Завтра посмотрим, сохранит ли рука то, что разуму велят считать ненужным.

Советница сняла петлю и вдруг сказала:

— В детстве нянька так завязывала мне пояс, чтобы пряжка не царапала кожу.

— Откуда она была?

— Из северного крыла. — Ядвига побледнела. — Нет, там

не жили слуги. Там никогда не было комнат.

За колонной Сольд снова простучал заложенный проём. На этот раз никто не назвал его стеной.

Перед тем как закрыть пробу доской, Лидия ещё раз посмотрела на нижнюю надпись. «Равные стороны хранят…» Она не стала угадывать продолжение. Угадка слишком легко становилась признанием, а признание здесь было инструментом не менее острым, чем нож.

Тася убрала копию в тубус и спросила:

— Если утром всё исчезнет, мы тоже забудем сегодняшний день?

— Не весь. Что-то останется в руках, в царапинах, в том, куда ты повернёшь у колонны.

— Этого мало.

— Мало. Поэтому мы оставляем не один след.

— А ты помнишь свой дом потому, что на тебя эта стена не действует?

Лидия подумала о кружке на столе современной мастерской. Утром она была уверена, что кружка белая с синей полосой. Сейчас ей вспомнилась зелёная, с отколотой ручкой. Какой она была на самом деле? В коротком отблеске Лидия видела лишь силуэт.

Она не ответила сразу.

— Не знаю, действует ли. Поэтому моим воспоминаниям тоже нельзя верить без следов.

Современная пыль лежала в отдельном свёртке у Таси. Ро-

зовая чешуйка, рисунки, запах мастерской, рука за голубым краем — всё могло оказаться точным или достроенным желанием вернуться. Профессиональная осторожность, которой Лидия защищалась от чужой лжи, теперь требовала сомневаться и в самой дорогой собственной памяти.

Когда четыре набора унесли, в зале остались только они с Тасей, Гарн и ночная стража. Лидия машинально пошла к выходу мимо колонны и свернула вправо.

Перед ней была побеленная стена.

Она остановилась, не понимая, почему выбрала этот путь. Тася подошла следом и тоже замерла.

— Здесь должна быть дверь, — сказала ученица.

— Ты помнишь её?

— Нет. Ноги помнят.

Они постояли перед гладкой штукатуркой. Под ней скрывались кирпичи, старый проём и дорога в помещение, которого не было ни на одном признанном плане. Лидия приложила ладонь к холодной поверхности. Штукатурка ничего не показала и не заговорила. Она просто сохраняла шов.

Этого было достаточно.

Глава 8. Город с двумя именами

Утром четыре набора вернулись в Зал Победы и легли на длинный стол так, словно каждый провёл ночь в своей погоде.

Кожаный свёрток Ядвиги пах дымом: советница держала его у себя, в комнате с жаровней, и сургуч на завязках размягчился, но не лопнул. Папка землемеров принесла холодный запах сырой бумаги и конского пота. Мастерской набор был припорошён известью. Четвёртый Гарн вынес из-за заложенной северной двери через узкую щель, которую Сольд разобрал у пола. На холсте остались кирпичная крошка и след мышиной лапы.

Лидия запретила развязывать их одновременно.

— Сначала каждый хранитель скажет, что именно принёс. Не что там должно быть, а что он делал с вещами ночью.

Ядвига поставила свёрток на подоконник, не вскрывала и дважды проверила печать перед сном. Землемерный писец признался, что утром переложил папку с нижней полки на верхнюю: ему вдруг показалось неприличным держать княжеский рисунок возле сапог. Тася оставила мастерской набор в запертом сундуке и носила ключ на шее. Гарн дежурил у заложенного прохода; около полуночи услышал за стеной три тихих удара, но не стал расширять щель.

— Почему не позвал? — спросил Арсений.

— Звук шёл снизу. И повторился ровно так, как Сольд вчера простукивал кирпич.

Старший мастер потёр большой палец. На коже у ногтя темнела свежая ссадина.

— Я спал в мастерской.

— Я видел, — сказал Гарн. — Потому и не полез.

Лидия записала удары отдельно. Их нельзя было считать ни чудом, ни доказательством. Старое здание отзывалось на остывание, мышей, воду и шаги караула. Но повторённый ритм стоило сохранить именно потому, что объяснения пока не было.

Первым раскрыли набор Ядвиги. Слова в нём утверждали, что на свитке висит одна княжеская печать, а рядом изображён круглый груз. Рисунок показывал два одинаковых восковых круга. Деревянные мерки сохранили равную ширину. На полоске кожи петля Нездана была затянута верно.

Во втором наборе писец написал о двух печатях, но одну мерку считал подставкой для светильника. В третьем Тася нашла свой рисунок без изменений, зато сухое описание называло рукопожатие передачей пленника. Четвёртый набор не изменился на вид. Однако Гарн, едва взяв кожаную полоску, развязал петлю и сложил её иначе.

— Зачем? — спросила Лидия.

Он посмотрел на пальцы.

— Так надёжнее.

Нездан молча восстановил старую петлю одним движени-

ем и дал полоску Гарну. Тот повторил со второго раза.

Лидия разложила результаты в четыре ряда. Слова менялись сильнее всего. Рисунок сопротивлялся лучше, пока человек не пытался назвать изображённое. Мерки сохраняли размер, но разум придумывал им новое назначение. Действие жило дольше объяснения, хотя без повторения тоже искажалось.

— Три набора пережили ночь, — сказала Тася. — Вы обещали архив.

Арсений касался каждого предмета костяшкой согнутого пальца, будто боялся оставить подходящий след.

— Пережили отдельные признаки. Ни один способ нельзя оставить без других. И воздействие выходит за пределы зала: землемерная палата стоит через две улицы.

Милан положил рядом полевую выписку с восточного тракта. Один путь шёл к Рубежью. Второй исчезал под поздней штриховкой княжеского леса и выводил к месту, возле которого продавленный почерк сохранял слово «Бережки».

— Рубежье стоит на месте Бережек? — спросила Лидия.

— По нынешним книгам Бережки были тремя рыбацкими дворами ниже по реке и сгорели до войны. Но старая дорога ведёт к северным воротам Рубежья.

Нездан поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.